
18+
АЛЕКСАНДР КЛЮЧЕНКО
Как ставить девушек
Записки сутенера
18+

Александр Ключенко

Как ставить девушек. Записки сутенера

«Автор»
2026

Ключенко А.

Как ставить девушек. Записки сутенера / А. Ключенко — «Автор», 2026

Осень 2008 года. Кризис съел сбережения московского фотографа Александра, сыну нужно платить за мехмат, а старый приятель между двумя бутылками водки советует идти в сутенеры. Десять лет Александр снимал девушек для рекламы секс-услуг и уверен, что знает этот рынок. Он берет «франшизу» у хозяина сети борделей, снимает квартиры через подставных жильцов, нанимает диспетчера с уличной точки и дает себе слово: никого не бить, не штрафовать, долги прощать. Через полгода на холодильнике висит список штрафов, участковый получает конверт между бланками, девушки уходят с выручкой, а за синяки одной из них клиент платит не ей, а ему. Чем аккуратнее Александр ведет свою тетрадь, тем меньше в ней остается людей. Он еще не знает, что кто-то давно ведет такую же тетрадь на него.Продолжение книги «Как снимать девушек. Записки порнофотографа».

© Ключенко А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Annotation 5
Александр Ключенко 7
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Александр Ключенко
Как ставить девушек. Записки сутенера

Annotation

Москва, 2008 год. Фотограф Александр теряет деньги в кризис и открывает бордель, где всё будет по-человечески: без побоев, штрафов и долговых ям. Квартиры снимает подставная жиличка, на телефоне сидит бывшая уличная проститутка из Ростова, участковый получает конверт, который в тетради называется «коммуналкой».

Девушки уходят замуж за клиентов и возвращаются, уносят выручку, влюбляются в охранников. Клиенты пишут отчёты на форумах, влюбляются и бьют. Милиция приходит то с понятыми, то бесплатно. Каждая уступка Александра становится новой строчкой расходов, а в тетради появляются графы «штрафы», «медицина» и, наконец, «кровля». Он ведёт бухгалтерию аккуратно. Он не знает только, что такую же тетрадь давно ведут на него.

«Как ставить девушек. Записки сутенера». Роман, 18+. Продолжение книги «Как снимать девушек. Записки порнофотографа».

Александр Ключенко
Предисловие
Глава 1. Выбор
Глава 2. Подбор персонала
Глава 3. Квартира
Глава 4. Женя и подруги
Глава 5. Реклама
Глава 6. Человеческое лицо
Глава 7. Участковый
Глава 8. Любимка
Глава 9. Охранник и девушка
Глава 10. Касса
Глава 11. Гриша был прав
Глава 12. Новые правила
Глава 13. Постоянники
Глава 14. Выезд
Глава 15. Сауны и коттеджи
Глава 16. Без презерватива
Глава 17. На скорости
Глава 18. Муж. Отец
Глава 19. Сокурсница
Глава 20. Госпожа
Глава 21. Алла
Глава 22. Налет
Глава 23. Смоленская
Глава 24. Встреча в милиции
Глава 25. Пустота
Глава 26. План
Глава 27. Рынок
Глава 28. Лариса

Глава 29. Сын
Глава 30. Полиция
Глава 31. Попытка уйти
Глава 32. Арест
Глава 33. СИЗО
Глава 34. Передача
Эпилог

Александр Ключенко

Как ставить девушек. Записки сутенера

Предисловие

Продолжение моей книги «Как снимать девушек. Записки порнофотографа».

В первой книге я рассказал, как стал фотографом. Родился я в семидесятом, бросил медицинский, отслужил медбратом в стройбате, в девяностые возил обналичку рюкзаками и женился на модели Ларисе. К концу десятилетия у меня был сын Дима, которого Лариса забрала в новую семью, квартира на Новом Арбате и ни работы, ни денег. Выручило детское увлечение — фотография. Начинал я со школ и свадеб на пару с Вадимом, пьяницей и бабником. Когда тот затащил меня в салон на Смоленке, я понял, где настоящие деньги. Следующие десять лет я снимал девушек для рекламы секс-услуг, порно и «ню» для зарубежных сайтов. Вышел не роман, а сборник историй, смешных и не очень, о рынке, который рос вместе со мной, пока я не ушел в «отпуск» на три года. Про этот «отпуск» и пойдет речь здесь.

Глава 1. Выбор

Внимание! Чрезмерное употребление алкоголя может вызвать проституток!

Осенью 2008 года выяснилось, что я инвестор. Раньше я об этом не догадывался: ну отнес деньги в паевой фонд, ну приходила раз в квартал бумажка с красивым графиком, который шел вверх, а вместе с ним и настроение. В девяносто восьмом я уже оставил в «Менатепе» все, что было, и с тех пор банкам не верил, зато верил ПИФам. Там вежливые менеджеры и слово «инвестиции» вместо слова «вклад», что звучит гораздо солиднее.

Вклады государство страховало, а ПИФы — никто. За осень я потерял больше половины, к весне осталась треть. Менеджер говорил «коррекция», советовал держать. Но я плюнул и все продал. Кстати, рынок так и не отрос. Цена моего пая в долларах с учетом инфляции упала бы в пять раз. Вот такая «коррекция».

Фото тоже кончалось. Про телефоны я уже писал в первой книге: удобство всегда побеждает качество, и рано или поздно девушки стали бы снимать себя сами, а кризис просто ускорил дело. К тому же молодые озабоченные фотографы снимали даром, лишь бы на голое тело поглазеть.

Летом, еще до всего этого, мой сын Дима поступил на платный мехмат МГУ. Обучение стоило сто двадцать пять тысяч восемьсот в год, платить надо было по полгода, причем первый раз — в течение недели после подписания договора. Плюс деньги на жизнь.

Позвонила Лариса.

— Ты отец, — сказала она, — ты и плати.

— А твой муж?

— Он Диме не отец.

Логика была железная. Я заплатил в тот же день и неделю ходил гордый, будто сам поступил. Сын — математик, в МГУ, и явно не в меня пошел.

Следующий взнос предстоял в середине февраля, а до февраля было далеко. Я тогда еще думал, что кризис — это ненадолго.

В начале октября ко мне на Новый Арбат в очередной раз заскочил Вадим Ланских, старый товарищ по фотоделу. «Заскочил» — громко сказано: Вадим не заскакивает, он приходит с двумя бутылками водки и уходит, когда они кончаются, иногда на следующий день.

— Ты сам подумай, что нужно девкам? — спросил он, распечатывая вторую. — Думаешь, наше фото? Ведь они за него платят. Я тоже так думал. Не-а, девкам нужна реклама, а как ты ее сделаешь — неважно. Без фото вообще лучше, не надо лицо в интернете светить. Вот я сейчас на рекламе зарабатываю больше, чем на съемке.

Он разлил водку по стаканам: мне — на палец, себе — до краев.

Пить я не хотел. Первую бутылку Вадим почти в одиночку и выдул, но ему все равно было мало. Две бутылки на одного за вечер — какое ж здоровье надо иметь? Впрочем, свое здоровье Вадим не берег, а пользовался им.

— Могу продолжить, — ответил я, ковыряя покупной оливье. — Думаешь, девкам нужна твоя реклама? Не-а, им нужны заказы, и если без рекламы, то еще лучше. А заказы им тоже не нужны, им нужны деньги. Заработать без секса у них считается высшим шиком. Сколько нам рассказывали про богатого папика, которому нужен был только собутыльник?

— Во! — Вадим ткнул в меня вилкой. — Деньги. А у кого деньги? Не у девки и не у нас с тобой, мы с тобой сбоку припека. Деньги у того, кто стоит между девкой и клиентом.

— У Гриши.

— У таких, как Гриша. — Он выпил не чокаясь. — Иди в сутенеры, Саша. Ты аккуратный, потому что не пьешь.

— А ты?

— А мне нельзя, я творческий.

Он вдруг заржал.

— Анекдот знаешь? Психолог говорит: ищите во всем позитив. А мужик ему: у меня проститутка умерла прямо в процессе, какой тут позитив? А психолог: второй час бесплатно!

Смеялся Вадим долго, со слезами, а потом попытался встать из-за стола, видимо в туалет, но пошатнулся и сел обратно.

— Не, везде, чтобы заработать, надо задницу от стула отрывать, — сообщил он мне как открытие.

Он попробовал встать еще раз, не смог и рухнул мордой в салат, который я своевременно подставил.

Я уложил товарища тут же, на кухне: достаточно было разложить диван, на котором он сидел. Стер полотенцем оливье с его лица, расстегнул ворот рубашки, ослабил ремень и накрыл пледом. Вадим радостно захрапел, а я сел у окна и стал считать.

Считать я умел и раньше. Несколько лет я снимал Гришиных девушек и видел, как устроено его хозяйство. В квартире три-четыре девушки, час стоит сто долларов. Как говорил Гриша: «Один клиент в день — убытки, два — по нулям, три — прибыль». Три клиента у его девушек было почти всегда, выручка делилась пополам между девушкой и хозяйством, а квартир у Гриши, по моим прикидкам, набиралось с десяток. Даже если вычесть ментов, рекламу и аренду, за день выходило больше, чем я теперь зарабатывал фотоаппаратом за месяц. Учеба сына на этом фоне выглядела как чаевые: шестьдесят две девятьсот — меньше недели работы одной квартиры.

Себе я сказал, что делаю это ради сына. Звучало прилично: отец, кризис, платное обучение — хоть сейчас в газету.

На самом деле я давно завидовал. Я снимал девушек за копейки и видел, сколько они уносят за ночь. Видел и Гришу в кожанке, с дорогими часами и всегда с наличными.

Тяжело работать я не любил никогда. Медицину бросил, вернее, она бросила меня. В девяностые занимался обналичкой — тоже работа не пыльная. А тут девушки работают, клиенты платят, а ты сидишь и считаешь деньги — не работа, а мечта.

Решение далось подозрительно легко, но тогда меня это не насторожило.

Наутро Вадим ничего не помнил, ни салата, ни совета. Я проводил его до метро и позвонил Грише.

Напрямую позвонить ему было невозможно, потому что телефона у Гриши не было — легального, я имею в виду. Я звонил на сервисный номер фирмы, которая сдавала в аренду автоответчики, оставлял сообщение, а он перезванивал, каждый раз с нового номера.

Кто такой Гриша, читатели первой книги знают, а для остальных расскажу коротко. Родом он из Луганска, в девяностые крышевал московских коммерсантов — как раз тогда, когда я таскал деньги рюкзаками. Однажды мы это выяснили, выпили и решили, что хорошо, что раньше не встречались. Потом милиция организованный криминал разогнала, и луганские земляки Гриши занялись делом потише: стали возить в Москву девушек. Я этих девушек снимал и делал им рекламу. Пили мы с Гришей несколько раз, но о его делах не говорили никогда.

Встретиться он предложил в баре «Сбитый летчик» на юге Москвы. Я давно подозревал, что где-то здесь у Гриши база, и потом это подтвердилось.

В баре я заказал кружку темного и стал ждать. Хозяин сети борделей — человек непростой: в зале я заметил как минимум двоих, которые вели наблюдение. Они сидели с одной кружкой и смотрели не друг на друга, а на дверь. Шпионский детектив, только с пивом.

Гриша пришел пешком, хотя машину, я уверен, просто бросил где-то за пару кварталов. Он не менялся: крупный, крепко сбитый, с лицом боксера, в короткой кожанке, сверху кепка с острым козырьком, снизу лакированные туфли — то ли бандит тридцатых годов, то ли девяностых. За ним вошла девушка и сразу села за столик в углу. Гриша, не глядя на меня, сел за стойку и заказал светлого. К пиву бармен выставил корзинку орехов макадамия — странное сочетание.

— Чего не пьешь? — спросил Гриша, сдувая пену.

— Разговор серьезный.

— Тогда и я не буду, — сказал он и отпил полкружки. — Денег с фото не хватает?

— Давно не хватает, ты и сам знаешь. Твои теперь снимаются раз в квартал.

— Кризис, — философски заметил Гриша, косясь на девушку в углу, которая изучала меню. — Денег всегда мало. Решил девок не снимать, а продавать?

— Я бы это так не назвал. Хочу свою точку под тобой: квартиру, рекламу, все сделаю сам.

Гриша криво усмехнулся. На верхней губе у него был шрам от ножа, замаскированный хорошей пластикой, но улыбка все равно выходила зловещей.

— Ты не сможешь работать сутенером.

— Почему?

— Ты на них смотришь, как в объектив: свет, ракурс, красиво. А надо смотреть как на кассу.

— Научусь.

— Ну-ну. Фотограф ты хороший и рекламщик неплохой, вопрос не в этом. Вопрос в том, как ты будешь получать свое. Что будешь делать, если тебе долю не отдадут? В милицию пойдешь?

Я смутился.

— Ну… Я же честно делаю свою работу и хочу за нее оплату.

— Девки тоже делают работу и хотят оплату. А еще их оплату хотят другие: клиенты, менты, бандиты. Зажать часть бабок и кого-то кинуть — суть этого бизнеса. Надо, чтобы всем было ясно: тебя кинуть нельзя, за тобой

люди

.

— Поэтому я к тебе и пришел.

— То есть за тобой буду я. — Гриша впервые за вечер на меня посмотрел. — А если кипиш, мне за тебя впрягаться?

Я пожал плечами: мне казалось, это само собой разумеется.

Гриша закусил орешком, скривился и оттолкнул корзинку. Бармен тут же ее заменил.

— Опять сладкие подсунул, типа забыл меня, — буркнул Гриша. — Ладно, давай так. Деньги и девки на первое время мои, как работать — тебе покажут. Квартира, реклама и телефоны — твои. Мне каждую неделю доля, как с нормальной недели, хоть ты там озолотись, хоть прогори. Остальное твое.

— Франшиза, — сказал я.

— Чего?

— Как «Макдоналдс»: вывеска твоя, котлеты мои.

Гриша подумал.

— В «Макдоналдсе» за котлеты не сажают.

Я засмеялся, а он нет. Тогда я принял это за шутку.

— Вон там, — Гриша кивнул на девушку в углу, — Катя, администратор. Поработаешь у нее, она расскажет.

Он поднялся, стоя допил пиво, ссыпал оставшиеся орехи в карман куртки и пошел к двери. Следом за ним вышли те двое. Я выложил на стойку пятисотку, но бармен замахал руками:

— За счет заведения.

Я пересел к девушке в углу и только тут ее узнал. Катю я снимал не раз. Последний — когда Гриша велел «послать рекламу на Катю заново»: она вышла замуж за охранника Петра и ушла из профессии, но с Петром не сложилось, и она вернулась. Тогда на ней было меньше одежды и больше косметики, а теперь — темно-зеленый деловой костюм, рюкзачок под ноутбук и туфли без каблука. На вид ей было лет тридцать с небольшим, и со стороны казалось, что сотрудница соседнего офиса забежала на бизнес-ланч.

— Катя? — сказал я. — Мы ведь знакомы, я вас снимал.

— Катерина, просто Катерина, — ровно ответила она. — Фотографа я помню, а фотографий нет. И вам не советую.

Я понял, что фотографий тоже больше не помню.

— Присаживайтесь. Григорий поручил ввести вас в курс дела. Закажите кофе, разговор будет долгий.

Официант принес два кофе и два чизкейка, и Катя продолжила:

— У нас есть готовые укомплектованные квартиры, но вам рекомендую начать с нуля: снять квартиру, найти персонал, дать рекламу и начать работать.

— А в чем тогда ваша помощь? Это я и сам могу.

— Это даст вам начальный капитал, но что более важно — знания, — ответила Катя. — Начнем с квартиры. Нужна однушка в пределах пяти-шести станций метро от Садового кольца, не больше пятнадцати минут пешком, на западе или юго-западе. Снимать на два-три месяца, ремонт нормальный, этаж первый или второй. Есть и другие требования, с ними вам поможет Ася.

— Кто? — переспросил я, уплетая чизкейк.

— Специалист по съему квартир.

— Я могу и сам снять.

— Не сможете, вы не знаете нюансов. — Она подвинула мне записку. — Тут телефон Аси, скажете, что от Катерины. Там же и мой. Найдете квартиру — звоните, деньги привезут наличными. Никаких переводов.

Она аккуратно промокнула губы салфеткой, поднялась и ушла. Ее чизкейк остался нетронутым, и я доел его тоже.

Дома я позвонил Асе.

— А, Александр? Вы на Новом Арбате? Я недалеко, зайду.

Что за специалисты снимают квартиры для борделей, я не представлял, поэтому на всякий случай приготовил и вино, и чай.

Приехала женщина непонятного возраста: по фигуре и тридцати нет, а по лицу и одежде — за сорок. Маленькая, сухая, вся в черном, от платья и кофты до туфель и сумки, а на голове платок, хотя октябрь стоял теплый. Она осмотрелась в прихожей, уверенно прошла на кухню, будто бывала тут раньше, и выглянула в окно.

— Дом старый, с консьержкой, — сказала она. — Для нас плохо, для жизни хорошо. — Она сняла платок и села. — Что вы на меня так смотрите? Ах да, думаете, сколько мне лет?

Я убрал вино в холодильник и включил кофеварку.

— Тридцать пять? — наугад сказал я.

Она засмеялась.

— Промахнулись на десять лет, мне двадцать пять. Одежда, прическа, косметика, манера держаться — так надо по работе. Знаете, кто самый желанный квартиросъемщик?

— Одинокий холостяк?

— Вот поэтому мне и платят. Попробуйте снять квартиру как одинокий холостяк — не выйдет. Еще хуже, когда девушки снимают сами, прикидываясь студентками: их пробивают по базе и отказывают. Лучшие жильцы — небедная семейная пара без детей и животных.

— Вы замужем?

— Нет, но по документам — да.

— То есть вы номинальный наниматель, — догадался я.

Она кивнула.

— Я беру на себя поиск квартир и просмотр. На что вы потратите несколько недель, я сделаю за несколько дней, если, конечно, условия адекватные.

— Мне нужна однушка недалеко от метро…

— Я в курсе требований для борделей, — перебила Ася, — и всех нюансов. Чтобы не было консьержки, блочной двери, подозрительных соседей…

— А блочная дверь чем помешала?

— Там четыре кнопки с кривыми надписями. Клиенты, часто пьяные, промахиваются и звонят соседям, поэтому девушки встречают клиентов сами, а лишнее хождение по коридору напрягает жильцов. И свою камеру на блочную дверь не поставишь: открываешь вслепую, а там компания пьяных гастарбайтеров.

— Какие тонкости.

— Есть и другие, расскажу, когда будет квартира. Легенда, что я приехала из Сибири. Муж в Газпроме, жилье оплачивает компания. Даю телефон отдела кадров, там подтверждают.

— Аванс нужен?

— Катерина все оплачивает. Договорюсь с хозяевами — пришлю вам фото квартиры на почту, типа мужу на согласование. Если согласны, оплачиваю и привожу ключи.

— А если хозяева захотят глянуть, что в квартире происходит?

— Без предупреждения не могут, обязаны звонить за несколько часов. Тогда наведите порядок и звякните мне, я их встречу. Но такое бывает редко, только если соседи жалуются.

— Она заметила камеру на полке. — И меня не фотографируйте. Я часто меняю внешность и документы, чтобы не попасть в базу риелторов.

— Договорились. Кофе, вино?

— Нет, работы много, еще диплом никак не допишу.

— То есть мы могли даже не встречаться?

— Могли, — ответила Ася, поднимаясь. — Но Катерина отзывалась о вас как о перспективном менеджере, и я хотела глянуть.

— И часто у нее меняются менеджеры?

—

Очень

часто, — ответила Ася, обуваясь. — Работа нервная.

Откуда двадцатипятилетняя студентка так хорошо знает требования для борделей, я тогда не спросил.

Проводив Асю, я полез в интернет почитать о будущей работе. Кроме двести сорок первой статьи Уголовного кодекса, «Организация занятия проституцией», почти ничего полезного не нашлось — в основном всеобщее осуждение, как от простых граждан, так и от самих проституток, да страшилки про сексуальных рабынь, которых заставляют работать круглые сутки и вывозят на Ближний Восток, и про типичного сутенера, который ходит в яркой аляповатой одежде, с золотой цепью и ездит на розовом кабриолете.

Может, ну ее нафиг, эту работу? С другой стороны, в России легко сесть даже за превышение самообороны, а за сутенерство сажают редко, потому что нет политического заказа. Вот на вещества заказ есть, и по ним сажают пачками. В девяностые я рисковал гораздо больше и не думал об этом. Главное — не увлекаться и иметь хорошего адвоката.

На этой позитивной ноте я отправился спать.

Глава 2. Подбор персонала

Валера не любил, когда его называли сутенером. Он считал себя гарантом проституции.

Персонал я решил набирать по объявлениям. Катя обещала на старт двух Гришиных девушек, но сразу предупредила, что у меня они не задержатся: Гриша своих двигает по квартирам, как шашки, так что своих надо искать самому.

Начал я с форумов интим-сайтов, где, кроме флейма с посылом друг друга на три буквы (среди проституток это считается чем-то вроде благословения), есть объявления о сдаче квартир, услугах визажиста, фотографа, водителя и наборе на работу. Я вывесил там скромное объявление и за неделю получил полный мешок мусора. Писали конкуренты, которые хотели узнать, кто я такой и почем у меня час. Писали ходоки, готовые бесплатно протестировать весь будущий персонал и написать о нем развернутый отчет. Писал какой-то мужик, предлагавший себя в охранники, водители и даже в персонал. Девушки не писали совсем: те, кто сидит на форумах, давно работают и в новое место не пойдут, пока их не позовет подруга.

Зато сработала газета. В «Московском комсомольце» целую страницу занимали вакансии массажисток, и я, не мудрствуя, списал текст у соседей: «Девушки 18–35 лет, иногородние, студентки, можно без опыта работы. Поддержим, обучим, позаботимся о регистрации и проживании. Услуги стилиста. Заработок от 5000 в день». Насчет пяти тысяч я посчитал отдельно: при цене часа в две шестьсот девушке оставалось тысяча триста с клиента, то есть для обещанного заработка ей нужно было четыре клиента в день без выходных. Остальное в объявлении было правдой ровно в той же степени, что и расчет.

Телефон зазвонил в день выхода газеты и потом звонил почти без перерыва. Собеседования я назначал у себя дома, в студии. Соседи и так считали меня сексуальным маньяком,

так что репутация в подъезде хуже стать уже не могла, а консьержка за эти годы видела у меня столько девушек, что перестала здороваться и с ними, и со мной.

Звонили не только девушки. Звонила мама из Саратова и строго спрашивала, где будет жить ее дочь и кто будет за ней присматривать, и я, к своему удивлению, честно ответил, что жить дочь будет в квартире с подругой, а присматривать буду я. Звонил мужчина, который хотел пристроить «свою девушку» и обсудить, сколько будет получать он сам. Звонили девушки, которые спрашивали, обязателен ли интим, и, услышав, что обязателен, вешали трубку, а через день перезванивали и спрашивали, когда можно приехать. Одна всерьез интересовалась, сделает ли обещанный стилист ей наращивание волос, и очень огорчилась, узнав, что стилист — это тоже я, только с фотоаппаратом. Еще одна, студентка с хорошей дикцией, сразу предупредила, что секс — это скучно, она читала, но за пять тысяч в день готова потерпеть.

Набирал я персонал не так, как надо. Администратор смотрит, будет ли девушка работать, не запьет ли, не сбежит ли с выручкой и не нагрубит ли клиенту. Я же пытался понять, будет ли прибыль с работницы, что правильно, но у меня еще не было правильных критериев для оценки. Поэтому больше смотрел на внешность.

Первой пришла высокая симпатичная брюнетка. Она отвечала односложно, на вопросы смотрела в окно, а от нее с утра пахло пивом, но я подумал, что с такой внешностью клиенты будут много звонить, и взял. Следом пришла пухленькая невзрачная девушка из Тамбова и спросила, какие у меня правила, сколько смен в неделю и кто платит за презервативы. Ей я пообещал перезвонить и не перезвонил. Потом я узнал, что такие, как она, в любом салоне приносят больше денег, чем симпатичные брюнетки, потому что клиент, приехавший один раз на внешность, во второй раз приезжает на поведение. Опытные проститутки способны удержать клиента даже без выдающихся данных.

Почти каждая начинала с того, что вообще-то она не такая, она ждет трамвая. Слово «проститутка» не произнесла ни одна: девушки «работали», «стояли», «выезжали», «были на квартире», и я быстро усвоил, что спрашивать надо именно так, иначе разговор заканчивается, не начавшись.

Одна, кассир из подмосковного супермаркета, рассказала свою историю так, будто читала инструкцию. Снимала с подругой двушку, в получку выпила с девчонками после смены и пошла домой вдоль шоссе, потому что автобусы уже не ходили. Рядом остановилась машина, водитель спросил, сколько, и она, сама не понимая зачем, назвала цифру. За полчаса заработала треть месячной зарплаты.

— Я думала, всего только один раз, — сказала она. — А через неделю эта сумма стала для меня нормой, и за меньшую я уже работать не могла. Ни на кассе, ни где-то еще. Ушла с работы после того, как грузчик пытался зажать в подсобке, а я сдуру назвала цену.

Другая полгода торговала арбузами с лотка у метро и пришла ко мне прямо в той же куртке, в которой стояла за прилавком.

— Сезон кончился, — рассказывала она, — палатку разобрали, стою рядом с деревяшками и понимаю, что работы больше нет. Подъезжает таксист: «Работаешь?» А я ему: «Как раз только что закончила. А у вас есть вакансия?» Так и уехала с ним. Противно было, неудобно на заднем сиденье, но не страшно.

Тогда мне не пришло в голову, что сам я рассказываю себе почти ту же историю, только вместо закрытого лотка у меня был кризис, а вместо таксиста — Вадим с водкой.

Я слушал продавщицу арбузов, кивал и думал, что лицо у нее простое, зато глаза хорошие, и улыбка, если ее рассмешить, выходит настоящая. Паспорта я ни у кого не спрашивал, потому что это казалось мне неловким, как в отделе кадров. Человек пришел рассказать о себе, а я ему: «Предъявите документ». Зато каждой я обещал хорошую съемку для рекламы, и это

было единственное, в чем я разбирался лучше любого сутенера в Москве. Как я потом узнал, в газетных салонах паспортов не спрашивал никто, так что я был в хорошей компании.

Однажды позвонил человек с низким, но мягким голосом и представился Анжеликой. Я решил, что девушка простужена, и назначил время.

Анжелика оказалась выше меня на полголовы, с идеальным макияжем, какого я не видел ни у одной из кандидаток, в сапогах на шпильке и с маникюром, сделанным явно не дома. Она села, положила ногу на ногу и сразу сказала:

— Чтобы вы не тратили время, Александр: я до операции. На нее и коплю.

Смотрелась она лучше всех, кто приходил ко мне за эту неделю, но я быстро прикинул, кто будет ей звонить. Такой клиент существует, но он ищет совсем другие объявления и на массажисток из «МК» не реагирует. Тот же, кто реагирует, увидев сюрприз, в лучшем случае потребует деньги назад, а в худшем начнет махать кулаками, и девушкам на кухне придется вызывать охрану, которой у меня еще не было.

— Спрос у вас слишком специфический, — сказал я. — У меня под него нет ни рекламы, ни клиентов.

— Я так и думала, — спокойно ответила Анжелика. — Спасибо, что хоть дослушали, другие кладут трубку на «здравствуйте».

Это был единственный кандидат за всю неделю, которому я отказал не за внешность.

Женя пришла последней, в пятницу вечером, когда я уже собирался выключать телефон. С виду я бы ее не взял: невысокая, худая, в дешевой куртке с рынка, лицо усталое и незапоминающееся, как у продавщицы в киоске, мимо которой проходишь каждый день и не можешь потом вспомнить, какая она. На вид ей было чуть за двадцать.

Она осмотрела студию, задержалась взглядом на софтбоксах, на кровати с белыми простынями, на штативе и спросила:

— Вы фотограф или менеджер?

— А есть разница?

— Есть. Фотографы платят за съемку, а менеджеры берут с выручки.

Тут зазвонил телефон, и я снял трубку при ней. Звонила очередная кандидатка, я назначил ей время на понедельник и записал имя на обороте газеты.

— Вы сами на телефоне сидите? — спросила Женя.

— Сам.

— Оно и слышно. Клиентам так не отвечайте, когда начнете работать. Мужской голос по такому номеру пугает, они думают, что попали в милицию или к бандитам. Должна отвечать девушка, а лучше такая, которая сама не работает и денег не берет.

Я тогда пропустил это мимо ушей, но очень скоро вспомнил.

Родом Женя была из Ростова. В Москву приехала на один день с подругой, с которой работала в вагоне-ресторане, накануне своего дня рождения, просто погулять: там еще было тепло, а тут уже холодно. Полазили по городу, зашли в кафешку на Тульской и там остались — работали сутки через сутки, там же и жили. Когда кафешку закрыли, знакомые предложили ей точку на Ленинском, где она простояла больше года.

— А там всякое бывает, — сказала Женя и пожала плечами. — Один увез в лес, забрал все, что было, кроме симки. Я прошу: симку хоть отдай, там все телефоны. А он: «В следующий раз приеду, тогда и верну». И ведь приехал через несколько дней, улыбается: «Ты че, испугалась?»

Больше она про точку рассказывать не стала, а я не стал спрашивать. Потом с точки ее и подругу Таню забрал к себе клиент по имени Валера, у которого была квартира.

— Он забирал половину, — сказала Женя. — За квартиру, за рекламу, за фотографии. Сутенером себя не считал, говорил, что он менеджер. Потом еще девчонок с точки взял. А двое оказались малолетки, хотя сказали, что им по восемнадцать. Они у него не жили, приходили работать. Чем-то он им не угодил, и они написали заяву. Валере дали восемь лет за изнасилование.

— За изнасилование? — переспросил я.

— А как еще, если они несовершеннолетние? — Женя посмотрела на меня, как на ребенка. — Нас там продержали несколько суток. Таня вовремя свалила, как чувствовала, а я у него жила, и вещи мои там так и остались. Можно было ментам заплатить, но у Валеры денег не было. Он был сам по себе, ни под кем не ходил и ни с кем не делился.

Она помолчала и вдруг спросила:

— А вы паспорт у меня спросите?

Я признался, что не спрашивал ни у кого.

— Зря, — сказала Женя. — Валера тоже не спрашивал.

Паспорт она достала сама, не дожидаясь, и положила передо мной на стол: ей было двадцать два. Я переписал данные на листок и с тех пор переписывал у каждой, кто приходил.

— И второе, — сказала Женя. — Вы под кем-то ходите или сами по себе?

— Под кем-то.

— Тогда вам повезло, — сказала она. — Только делитесь вовремя.

Я взял ее сразу, потому что она единственная за всю неделю расспрашивала меня, а не я ее.

В понедельник я обзвонил всех, кого успел взять, и попросил приехать с паспортами. Брюнетка не пришла и трубку больше не брала, еще одна девушка сказала, что паспорт у нее «у хозяйки квартиры», и тоже пропала. Кассир и девушка с арбузами приехали, паспорта у них были в порядке, и обеим было за двадцать. Я хотел перезвонить пухленькой из Тамбова, но листок с ее телефоном куда-то делся.

В тот же день Катя прислала обещанных Гришиных девушек, Оксану и Люду, обеих из-под Луганска. Я их помнил по съемкам, и они меня, кажется, тоже, но виду не подали. Держались они как командированные специалисты, которых прислали из головного офиса наладить работу в филиале: осмотрели студию, проверили, есть ли в холодильнике что-нибудь, кроме луковицы и початой рыбной консервы. Спросили только две вещи — когда будет квартира и сколько процентов. Кассир и девушка с арбузами притихли и смотрели на них снизу вверх, как первокурсницы на выпускниц.

— Новенький? — спросила Оксана у Жени, кивнув на меня.

— Новенький, — подтвердила Женя.

— Ну, посмотрим, — сказала Оксана, и по тому, как она это сказала, я понял, что смотреть будут не на девушек, а на меня.

Персонал был набран: две Гришиных девушки, две моих и Женя. Оставалось найти квартиру, куда этот персонал посадить, но этим уже занималась Ася.

Вечером позвонила Катя, спросила, как идет набор, и, выслушав про Женю, сказала, что точку на Ленинском знает и что ростовские там девчонки толковые. Потом спросила, проверял ли я паспорта.

— Проверял, — с гордостью сказал я. — Все переписал.

— Куда переписали?

— На листки.

— Листки сожгите, — сказала Катя. — Если к вам придут, у вас дома найдут список девушек с паспортными данными, и никакого другого дела уже не понадобится. Паспорт надо смотреть, а не переписывать. Запомнили?

Листки я сжег в тот же вечер, в раковине, и очень гордился своей конспирацией. Месяца через полтора я завел для бухгалтерии тетрадь.

Глава 3. Квартира

Люся регулярно здоровалась с бабушками у подъезда, поэтому считалась самой вежливой проституткой в доме.

Ася позвонила через два дня, как и обещала. На почту пришли фотографии «мужу на согласование»: однушка в девятиэтажке у «Профсоюзной», второй этаж, свежий ремонт, диван, шкаф, кухня с отдельной дверью. Я смотрел на них и думал, что окно выходит на запад, а значит, после обеда в комнате будет светло. Ни о чем более полезном я тогда не подумал.

Деньги на залог и первый месяц привез курьер от Кати, парень в мотоциклетной куртке, который отдал мне пухлый конверт, не снимая шлема, и уехал, не спросив ни расписки, ни даже моего имени. Я впервые держал в руках Гришины деньги и пересчитал их дважды.

Подписывать договор Ася поехала с мужем. Мне она велела сидеть во дворе на лавочке и ни во что не вмешиваться, а ключи она вынесет сама. На лавочке уже сидели две бабушки, которые подвинулись, оглядели меня с ног до головы и, видимо, решили, что я чей-то сын, приехавший навестить мать.

«Мужа» я видел впервые: это был мужчина лет тридцати пяти в хорошем драповом пальто, с обручальным кольцом и с таким скучающим лицом, какое бывает только у настоящих мужей, когда жена выбирает квартиру. Ася шла рядом с ним под руку, в своем черном платке, и выглядела лет на десять старше него. Хозяйка квартиры, полная женщина в шубе, встретила их у подъезда, и они долго стояли втроем, причем говорила в основном Ася, а муж только кивал и иногда смотрел на часы.

— Приличная пара, — сказала одна бабушка другой. — Не то что прошлые, студенты. Те музыку до ночи крутили.

— Детей пока нет, — со знанием дела добавила вторая. — Но она, видать, хочет.

Минут через двадцать Ася вышла одна, села рядом со мной на лавочку, поздоровалась с бабушками по имени-отчеству, и только потом незаметно сунула мне в карман ключи.

— Хозяйка спрашивала, почему нам нужен именно второй этаж, — рассказала она, когда мы отошли к метро. — Наверху ведь светлее и тише. Я сказала, что боюсь лифта, в детстве застряла на полдня. Она меня пожалела, у нее у самой клаустрофобия.

— А муж?

— Муж настоящий, по паспорту, — сказала Ася. — Мы оформили отношения, когда поняли, что хозяева без штампа не верят. Ему за тридцать, на хорошей работе, хозяева таких любят. Он приходит только на подписание и больше эту квартиру в жизни не увидит.

— А любовь?

— Любовь у него в другом месте, — пожала плечами Ася. — Как и у меня. Договор я подписала на год. Катерина сказала, вам на два-три месяца, но хозяевам это знать необязательно.

Квартиру я обставил как студию, потому что по-другому не умел. Купил новое белье, плотные шторы, торшер с теплой лампой вместо голой лампочки под потолком, повесил на стену большое зеркало напротив дивана и долго двигал его, чтобы не было бликов. Оксана, Гришина девушка, которая заехала первой, посмотрела на все это и спросила, не собираюсь ли я тут снимать.

— Мужикам твой свет до лампочки, — сказала она. — Им нужно, чтобы чисто было, полотенце свежее и чтобы соседка за стенкой не стучала по батарее. И чтоб никаких животных.

Животных у меня не было.

Как устроен бордель внутри, я видел не раз, но одно дело видеть, а другое — придумывать все самому. В однушке главное — кухня, отделенная от комнаты стеной и дверью. В комнате работает одна девушка, а на кухне сидят охранник и вторая, свободная. Если придут с проверкой, картина получается невинная: в комнате девушка с любовником, на кухне ее подруга, которая приехала в гости, а охранник просто зашел к подругам попить чаю. Двушка удобнее, там одна комната для жизни, где девушки спят и держат вещи, а другая только для работы, но на двушку Катя денег пока не дала: сначала покажи, что умеешь.

Охранника Гриша прислал своего, молчаливого парня из Луганска по имени Стас, который двигался по квартире так осторожно, будто боялся что-нибудь задеть. На кухне он сидел на табуретке у окна, смотрел маленький телевизор без звука и разговаривал только с девушками, а со мной ограничивался словами «понял» и «нормально».

Девушки жили там же, где работали, и днем, пока не было клиентов, все трое сидели на кухне. Я в первый же вечер заметил на подоконнике бутылку вина, а через день к ней прибавилась водка. Клиенты приносили выпивку с собой и всегда хотели выпить с девушкой, но при этом никто из них не хотел, чтобы его встречала пьяная. Как остаться трезвой к третьему клиенту за вечер, если два первых уже налили, не мог объяснить ни один из них. Гриша говорил, что главная беда борделя не реклама и не персонал, а пьянство, и я тогда подумал, что он преувеличивает.

Оксана каждое утро выходила в магазин, здоровалась с бабушками у подъезда и спрашивала, как у них давление. Через неделю бабушки считали ее самой вежливой девушкой в доме и жалели, что такая хорошая, а все не замужем.

Катя приехала смотреть квартиру днем, когда девушки спали, прошлась по комнате, потрогала мое зеркало, ничего не сказала и попросила чаю. Сели мы на кухне, и Стас тут же вышел покурить на лестницу, хотя никто его об этом не просил.

— Правил у нас немного, — сказала Катя, — но нарушать их нельзя ни разу. Первое: диспетчер в отдельной квартире, можно у себя дома. Диспетчер денег не берет, берет девушка. Девушки работают индивидуально, каждая сама по себе, и тогда нет организатора, а нет организатора — нет уголовщины.

— А кто будет диспетчером?

— Найдете, а пока посидите на телефоне сами, хотя голос у вас для этого неподходящий. Второе: деньги не из рук. Ни одной купюры от девушки вы не берете, даже если она сама протягивает. Девушка кладет долю в конверт, конверт оставляет в условленном месте, вы его оттуда забираете. Она вам ничего не давала, вы у нее ничего не брали.

Я вспомнил Любовь Степановну, которая говорила то же самое почти теми же словами: если ты «мамочка», никогда не бери деньги из рук девушек, тогда при налете есть шанс открутиться. Тогда я это записал себе как анекдот о мудрой бандерше, а теперь это стало моей должностной инструкцией.

— Третье: пробивка, — продолжала Катя. — Клиент звонит, диспетчер видит его номер, пробивает по базе МГТС, кто там живет. Если номер не определяется, не бьется или квартира записана на организацию — вежливо говорите, что все девушки заняты. Мобильный тоже можно пробить, но его легко поменять.

— И у кого эти базы?

— У диспетчера, диски я дам, — сказала Катя. — И четвертое: вы сюда без нужды не ездите, а если ездите, то не на своей машине. Номер машины запоминают лучше, чем лицо. Чем реже вы здесь, тем лучше для всех. И последнее. По телефону можно сказать, что делать, но нельзя объяснять почему, и никаких сумм и фамилий. Все, что дольше минуты, — при встрече. Не у вас дома, у вас консьержка, и не здесь, здесь соседи. В кафе, где шумно и никто никого не знает, или в машине.

Она допила чай, сполоснула за собой чашку, что меня почему-то удивило, и уехала.

С тех пор моими переговорными стали кофейни и машины, и за три года я выпил в них столько чая, сколько Катя так и не выпила. Правило про суммы по телефону мы с Женей нарушали каждый вечер, когда она читала мне сводку, потому что иначе дело бы встало, и я каждый раз об этом помнил и каждый раз решал, что один вечер ничего не значит.

Свой старый «Вольво»-универсал, купленный когда-то под аппаратуру, я с тех пор к квартирам не подгонял ни разу и ездил туда на такси.

Вечером дома я сел и разложил все по порядку. Если милиция придет в эту квартиру, у нее будет два вопроса, от которых зависит, кого посадить. Первый — кому девушки отдавали часть денег. Второй — кто снимал для них квартиру и нанимал их на работу. Конверты из условленного места забираю я. Квартиру сняла Ася, но ключи получил я, деньги за квартиру передал я, и девушек по объявлению в «МК» нанимал тоже я, у себя дома, при консьержке. Я попробовал найти в этой картине хоть одну ниточку, которая вела бы к Грише, и не нашел ни одной: Гриша не держал в руках ни ключей, ни конвертов, ни газеты, а деньги его привез курьер в шлеме, лица которого я не видел.

«В „Макдоналдсе“ за котлеты не сажают», — вспомнил я и на этот раз смеяться не стал, но и бросать дело тоже не стал.

Анкета Оксаны уже висела на досуге, Катя только поменяла в ней телефон, и в понедельник в два часа дня квартира начала работать. Телефон я держал при себе и первые сутки просидел с ним дома, как студент перед экзаменом, боясь отойти даже в туалет.

Права оказалась Женя, а не я. Первый звонивший, услышав мое «алло», помолчал и спросил, не милиция ли это. Второй сразу положил трубку. Третий, видимо самый смелый, поинтересовался, не я ли буду его обслуживать, и тоже положил трубку, не дождавшись ответа. К вечеру я научился говорить: «Добрый день, слушаю вас» таким бархатным голосом, что сам себе был противен, и дело пошло. Домашние номера я пробивал по Катиному диску, сверял фамилии и адреса, а клиенты, которые не пробивались, обижались и уходили к конкурентам, отчего мне каждый раз казалось, что я отправляю деньги в чужой карман. База по мобильным телефонам была куцая и редко выдавала что-то полезное, чаще не то: номера часто меняли, особенно те, кто часто ходил по проституткам.

Первый конверт Оксана положила в электрощиток на лестничной площадке, между счетчиком и стеной, как мы договорились. Я приехал за ним ночью, оглядываясь, как вор, хотя на площадке не было никого, кроме кошки. В конверте лежали две доли по тысяче триста, и я долго стоял у щитка, держа их в руках и пытаясь понять, что чувствую. Чувствовал я в основном, что это ужасно мало для такого количества нервов.

В субботу я поехал к Алле отдохнуть. С Аллой мы познакомились лет шесть назад, когда ее сестра заказала мне календарь ей в подарок. Мы снимали Аллу в платье, в ветровке, в шубе, ретушер переносил ее на пейзажи разных месяцев, и календарь потом целый год висел у нее дома, где на него любовались ее клиенты. Один из них, кстати, заказал мне потом такой же, только с разными девушками и в белье, так что Алла была в некотором роде моим рекламным агентом. С тех пор она поднялась: снимала хорошую квартиру на Кутузовском, работала одна, без посредников, и брала столько, что я в ее клиенты не годился. Ей было за тридцать, семьи не было, и, судя по всему, она по этому поводу не горевала.

Я платил ей, хотя и со скидкой, по старой дружбе. Мне казалось важным платить: пока между нами лежат деньги, ничего другого между нами не заведется, ни обид, ни обязательств, ни того, что у нормальных людей называется отношениями. Чаще всего до постели мы так и не доходили, а сидели на кухне, где на стене до сих пор висел тот самый календарь, хотя месяцы в нем давно не совпадали с днями недели.

— Ты его не снимаешь? — спросил я.

— А зачем? — сказала Алла. — Мне там двадцать восемь, и это лучший календарь в моей жизни. Ну, рассказывай, что у тебя случилось. У тебя лицо как у человека, который что-то купил и не уверен, что надо было.

Я рассказал все: про ПИФы, про Диму, про Вадима и салат, про Гришу, франшизу, Катю, Асю с ее мужем и квартиру у «Профсоюзной», где сейчас Оксана, наверное, здоровается с бабушками. Алла слушала, не перебивая, и курила в форточку.

— Значит, ты теперь сутенер, — сказала она, когда я закончил.

— Я теперь

менеджер

.

— Это ты себе будешь рассказывать. — Она стряхнула пепел. — Я тебя помню с аппаратом. Ты на нас смотрел так, будто мы красивые, даже когда мы были с похмелья и с синяками от колготок. Девочкам это нравилось, многие к тебе только из-за этого и ездили. Теперь ты будешь смотреть, сколько мы приносим.

— Я не собираюсь никого обижать, — сказал я. — Не бить, не штрафовать, долги прощать. Бизнес с человеческим лицом.

Алла засмеялась так, что закашлялась, и долго не могла остановиться.

— Человеческое лицо в этом бизнесе бывает только на фотографиях, — сказала она наконец. — Ну, ты его и отретушируешь, ты же умеешь.

Денег в тот вечер она с меня брать не хотела, сказала, что за разговоры не берет. Я все равно оставил их на столе, под сахарницей, а не отдал в руки. Вышел я от нее уже за полночь и только в такси понял, что сделал это не из вежливости, а по Катиному правилу.

Глава 4. Женя и подруги

В проституции, как и в кино, главное — хорошая организация. Разница только в том, что в кино все знают, что снимаются.

Через неделю на телефоне я понял, за что диспетчеры получают деньги. Телефон звонил с обеда до четырех утра, спать приходилось урывками, а есть стоя, и каждый раз, когда я снимал трубку, мне нужно было превращаться в бархатную женщину неопределенного возраста. Оксана и Люда, которым я тем же голосом перезванивал, чтобы назвать время следующего клиента, давились от смеха и называли меня «тетя Саша». Не выдержав, я позвонил Жене.

— Я же говорила, — сказала она вместо приветствия. — Приезжайте, обсудим.

Женя снимала комнату с подругой в пятиэтажке на юге Москвы. Комната была чистая и голая, как в общежитии: кровать, шкаф, стол, на подоконнике чайник и банка растворимого кофе. Вещей у нее почти не было, потому что все, что она нажила в Москве, осталось у Валеры, а возвращаться за ними в опечатанную квартиру ей почему-то не хотелось.

Условия она назвала сама, и я понял, что она их обдумала заранее. Работать с клиентами она не будет: на точке, сказала, наработалась. Будет сидеть на телефоне, принимать звонки, пробивать номера, распределять клиентов по девушкам и следить, чтобы никто не опаздывал и не пропадал.

— Диспетчер денег не берет, берет девочка, — сказала она, и я узнал Катину формулировку почти дословно. — Девочки работают индивидуально, каждая сама по себе. Нет организатора — нет статьи.

— А кто же тогда сутенер?

— Его нет, — сказала Женя и посмотрела на меня так, что я понял: организатор есть, и это я, но, если все будут делать правильно, его как бы и не будет.

Платить ей я договорился пять процентов с общей выручки, отдельно, у себя дома, раз в неделю. Женя кивнула так, будто другого ответа и не ждала. Потом я узнал, что столько же платили диспетчерам и в больших салонах, так что торговаться было бесполезно, она знала расценки лучше меня. Впрочем, я тогда еще не знал, что диспетчера торгуют заказами под двадцать пять процентов и получают неплохой навар. Я отдал ей свой старый ноутбук, Катин диск с базой МГТС и рабочий телефон и уехал домой спать. Проспал я четырнадцать часов, и это был лучший сон за всю осень.

Через три дня Женя позвонила и сказала, что привезет девочек.

— Каких девочек?

— С Ленинского. Вы же хотели еще квартиру. Они хорошие, я за них отвечаю.

Пришли две ее старые подруги с точки, Таня и Алина. Таня была та самая, которая вовремя ушла от Валеры, «как чувствовала», и я сразу понял, что чутье у нее работает лучше, чем у меня: она вошла в студию, осмотрелась, и спросила, где у меня выход на черную лестницу, и успокоилась, только когда узнала, что ее нет. Алина была помоложе, молчаливая, с короткой стрижкой и привычкой держать сумку на коленях обеими руками, будто ее вот-вот вырвут.

Паспорта они достали сами, не дожидаясь вопроса, потому что Женя их предупредила. Обеим было за двадцать. Я смотрел на них и понимал, что точка в них читается сразу. Это была не усталость, а какая-то настороженность во взгляде, как у собаки, которую часто пинали, но еще кормят. Таким надо было сначала дать выспаться и неделю не пугать.

— Вам в квартире будет лучше, чем на улице, — сказал я, сам не зная зачем.

— Еще бы, — ответила Таня. — У вас душ, кровать и батарея. На точке в ноябре у тебя есть только заднее сиденье и надежда, что печка в машине работает.

Ася нашла вторую квартиру за неделю, тоже однушку, у «Калужской». Как и в первый раз, «мужа» на подписание она привела того же самого, только платок сменила на берет. Таня и Алина въехали в нее на следующий день вместе с охранником, которого опять прислал Гриша, и я впервые почувствовал себя не одиночкой, у которого одна квартира и сплошные нервы, а хозяином небольшого, но настоящего дела.

Как Женя работала на телефоне, я понял, когда просидел у нее один вечер. Голос у нее в трубке становился другим: мягким, обаятельным. Она не говорила лишнего, не торговалась и не уговаривала, а клиент через минуту уже записывал адрес.

— Он сейчас звонит еще в три места, — сказала она, положив трубку после очередного звонка. — Кто первая откликнется, к той и поедет. Мы для него запасной вариант.

— И что делать?

— А он для нас тоже запасной. Я его записала к Люде на девять, но, если в полдевятого позвонит другой, который ближе, Люда примет другого, а этому я скажу, что девушка внезапно заболела.

— Это же нечестно.

— А он

честно

? — Женя пожала плечами. — Он сейчас Люде говорит «буду через двадцать минут», а сам сидит в баре, рассматривает фото и считает деньги. Через неделю вы тоже перестанете удивляться.

Через неделю я перестал удивляться, а через месяц, когда клиент обижался, что его девушка «заболела», мне уже было смешно.

Пробивала Женя всех подряд. Если домашний номер не совпадал с названным адресом или номера не было видно, она говорила, что все девушки заняты, и вешала трубку. Потом объ-

ясняла мне, кто это был: ревнивая жена, которая проверяет мужа, конкурент, который выясняет наши цены, или мент, которому лень было выдумывать легенду. Чем она отличала одних от других, я так и не понял, а она не могла объяснить, говорила только, что «по голосу слышно».

Некоторым она отказывала, даже не пробивая. Я заметил это не сразу, а когда заметил, спросил.

— Кавказцы, — сказала Женя. — Слышно же по голосу.

— И что с того?

— А то, что приезжает один, а в квартире потом пятеро. Или не платят, а говорят, что ты плохо работала. Или бьют, чтобы ты знала свое место. Я на точке насмотрелась, мне хватило.

Я с ней спорил, потому что среди моих заказчиков были и армяне, и азербайджанцы, и чеченцы, и многие из них платили лучше всех, никогда не торговались и вели себя вежливее иного москвича. Отказывать человеку по акценту казалось мне примерно тем же, что отказывать девушке из-за цвета волос.

— Вы с ними общались, — сказала Женя, — а я с ними работала, это разные вещи. Одна побитая девушка обойдется вам дороже, чем десять клиентов, которых я не пустила. Хотите — сами отвечайте на звонки, сами и пускайте.

Отвечать на звонки сам я не хотел, поэтому спор на этом и закончился. Я и сейчас не знаю, кто из нас был прав: свою точку зрения Женя вынесла с Ленинского, а моя была из студии, и обе были правдой ровно настолько, насколько каждый из нас видел. Но телефон был у нее, а значит, и решала она.

Гриша, как и предупреждала Катя, двигал своих девушек, как шашки. Через две недели Люду забрали на Ленинградку, где у Гриши что-то не ладилось, и на ее место я поставил Иру, ту самую кассиршу из подмосковного супермаркета, которая думала, что это «всего один раз». Галя, девушка с арбузами, пока ждала третьей квартиры и жила у Тани с Алиной на «Калужской», где их стало трое, а охранник теперь спал на кухне сидя.

Первого клиента Ире Женя выбирала полдня. Отказала двоим, которые звонили пьяными, отказала одному, который слишком подробно расспрашивал про услуги. Наконец отправила к ней немолодого бухгалтера, который пробился по мобильной базе с первого раза и говорил так тихо, что Женя переспрашивала каждую фразу.

— Первым надо давать тихого, — объяснила она. — Если ей сразу попадется козел, она сбежит в тот же вечер, и мы ее больше не увидим. А с тихим привыкнет.

Я не понял, что это: забота или расчет. Потом понял, что для Жени это одно и то же, и через полгода перестал различать сам.

Оксана тем временем учила Иру на кухне всему, что знала сама: деньги вперед, презерватив всегда, телефон из комнаты убрать, на вопросы о себе отвечать ласково и неправду, а если клиент начинает рассказывать про жену, слушать, кивать и смотреть на часы, но так, чтобы он не заметил. Про выпивку у нее было отдельное правило: если клиент принес бутылку, наливать ему, а не себе: что у пьяной женщины на уме, то у пьяного мужчины никогда не получится, а час он все равно оплатил. Ира слушала, как первокурсница на лекции, и даже что-то записывала.

Вечером после бухгалтера она позвонила не Жене, а мне.

— Александр, я все сделала правильно? — спросила она так, будто сдала экзамен и ждет оценку.

Я сказал, что правильно и что она молодец, и долго потом не мог понять, почему мне от этого разговора стало не по себе. Девушки, особенно те, кто вырос без отца, быстро начинают видеть в том, кто их нанял, кого-то вроде отца, и это давало мне над ними больше власти, чем любые Гришины правила.

С двумя квартирами у меня появился ночной маршрут. Около двух часов ночи я выезжал из дома, забирал конверт из щитка на площадке у «Профсоюзной», потом из почтового ящика

у «Калужской» и возвращался домой по пустому Ленинскому. Дома я раскладывал деньги на кухонном столе на три кучки: Грише, на квартиры и рекламу, себе. Гришину кучку раз в неделю забирал тот же курьер в шлеме. Моя кучка была пока самой маленькой, но впервые за полгода она росла, а не таяла, и это ощущение оказалось сильнее любых сомнений.

Женя оказалась не только хорошим диспетчером, но и очень любопытным. Она спрашивала обо всем: сколько стоит квартира, сколько реклама на досуге, почему одна анкета работает, а другая нет, какую долю я отдаю Грише и что будет, если не отдать. Я отвечал охотно и подробно, мне нравилось, что кто-то слушает, а главное, мне казалось, что я наконец во всем этом разбираюсь. Иногда она записывала что-то в тетрадку с котятами на обложке.

— Зачем тебе это? — спросил я однажды.

— Интересно, — сказала Женя. — Валера мне ничего не рассказывал. Говорил, что не моего ума дело.

Я тогда подумал, что так вопросы задает только сын, если ему действительно интересно, чем занимается отец. Мой сын таких вопросов не задавал никогда, и, наверное, это было к лучшему.

В тот же вечер, когда я вернулся от Жени домой, позвонил Дима.

— Пап, ты занят? Я тебе весь день звоню, а у тебя то занято, то не отвечаешь.

— Работаю, — сказал я.

— Съемка?

— Съемка, — сказал я и удивился, как легко это вышло.

Дима рассказал, что у них на мехмате завалили половину курса на первой же контрольной по матанализу, а он написал на пятерку, и преподаватель вызвал его к доске объяснять решение остальным. Я сказал, что горжусь им, и это была правда. Потом он спросил, не хочу ли я в выходные сходить с ним в кино, и я ответил, что в выходные у меня как раз много работы. Это тоже была правда, только не та, о которой он подумал.

Повесив трубку, я пошел на кухню поставить чайник и по дороге поймал себя на том, что прикидываю, сколько сейчас клиентов в квартире у «Профсоюзной» и сколько у «Калужской».

Глава 5. Реклама

— Где тут у вас район ста баксов? — Чево?! — Мне сказали, что все красивые девушки у вас в районе ста баксов…

Из всего, чем я занимался в те три года, с удовольствием я вспоминаю только рекламу. Плохое со временем выветривается, а это осталось целиком: студия, свет, девушки, которые сначала зажимаются, а потом начинают смеяться, и ощущение, что ты наконец делаешь то, что умеешь лучше всех.

Гришиным девушкам я и раньше делал анкеты, но за гонорар, а для своих впервые снимал для себя, и это оказалось совсем другое дело. Раньше девушка платила мне за съемку и уезжала, а что она делала с фотографиями дальше, меня не касалось. Теперь от каждой фотографии зависело, позвонит клиент или нет, и я сидел над снимками до утра.

Первой я снимал Иру, которая стеснялась так, что за первый час мы не сделали ни одного приличного кадра, и тогда я дал ей в руки плюшевого медведя. Она прижала его к себе, засмеялась, и дальше все пошло само. Кадр с медведем я в анкету не поставил, но оставил себе.

Тут у меня начались мучения. Клиенты на форумах в один голос требовали фото «один к одному», чтобы приехать и увидеть ту же девушку, что в анкете. Те же клиенты, как я знал по опыту, звонили только на красивые фото, а честную фотографию живой девушки с прыщиком на подбородке пролистывали не глядя. Как сказал мне когда-то один ходок: он знает, что принцесс там не будет, но едет на мечту, а если сразу видит урода в анкете, то даже не звонит.

Если отретушировать девушку до принцессы, звонков будет много, но половина клиентов развернется на пороге, увидев живого человека вместо картинки. Если не ретушировать вовсе, развернуться будет некому, потому что никто не позвонит. Вадим, который заехал ко мне в студию как раз в разгар этих мучений, решил вопрос за минуту.

— Ретушируй до упора, — сказал он, разглядывая Иру на мониторе и отхлебывая из своей фляжки. — Пусть разворачиваются. Реклама уже оплачена, звонок ты получил, а что он там увидел на пороге, это уже его личная драма.

— Он напишет на форуме, что фото не соответствует, и больше никто не позвонит.

— И пусть, — согласился Вадим. — А ты тогда смени ей имя и поставь новые фото. Девка та же, анкета новая, и форум чистый. Думаешь, они там честно все излагают? Им важнее друг перед другом похвастаться, кто же пишет, что у него не получилось?

Тогда я счел это циничным, а через полгода делал именно так. Но в ноябре я выбрал середину: ретушь как косметика, кожу почистить, синяки от колготок убрать, грудь и бедра не трогать. Ира на фотографиях выходила такой, какой бывает в свой лучший день, хорошо выспавшись, и клиенты, кажется, это ценили.

С досугом, главным сайтом того времени, у меня и раньше были отношения непростые. Раф и его жена Лена давно воевали с ретушью, и мне, как старому клиенту, они делали исключения. Я отправил анкету Иры, ее не пропустили, и я написал Рафу в аську, как писал много раз.

«Саша, ты теперь не фотограф, ты рекламодатель, — ответил Раф. — А рекламодателям исключений не делаем, Лена не разрешает».

Как он узнал, что я теперь рекламодатель, я так и не выяснил. Видимо, тесен был мир московской рекламы, и Гриша, Катя и Раф жили в нем на соседних улицах. Ретушь пришлось убавить до того, что Ира на фотографии выглядела, по ее собственным словам, как после ночной смены на кассе. Но анкету поставили, и она заработала.

Оплату досуг принимал только в вебманях. Катины деньги приходили в конверте, я вез их в обменник в офисе на набережной. Там молодой человек за небольшой процент менял рубли на карточки вебмани, с которых нужно было стирать номер, как на лотерее. Анкета на досуге стоила столько же, сколько один-два часа работы девушки, то есть окупалась первым же клиентом, и Вадим называл это лучшим вложением после водки.

С Алиной было сложнее. Она сразу сказала, что лицо показывать не будет: у нее в поселке под Курском мама, младший брат и тетка, которая целыми днями сидит в интернете, и, если тетка ее увидит, домой можно не возвращаться. Таких у меня и раньше было много, и обычно вопрос решали просто, замазывая лицо в фотошопе серым пятном или мозаикой. Анкета с пятном вместо лица работает, но выглядит как фотография из милицейской сводки.

Я снимал Алину почти два часа. Волосы на лицо, спина к камере, отражение в запотевшем зеркале, профиль против окна, когда вместо лица виден только контур, рука, закрывающая глаза, как будто от солнца. Лица на снимках не было ни на одном, а девушка была, живая и узнаваемая для того, кто ее увидит на пороге, но не для тетки под Курском. Алина пересмотрела все кадры на мониторе, долго молчала, а потом спросила, можно ли ей взять одну фотографию себе. Я напечатал ей ту, что у окна, и она увезла ее в квартиру у «Калужской», где, как мне потом сказала Женя, повесила над кроватью, на которой работала.

Цену Катя велела ставить одну для всех: сто долларов, то есть две шестьсот за час. Это была граница, которую в Москве держали, кажется, все, от ее салонов до индивидуалок на окраинах. Пятьдесят долларов считалось дешево, это была цена точки и квартир, где девушки не говорят по-русски, а все, что дороже ста, уже начинало соревноваться с элитой и с досугов-

скими моделями. Когда Таня с Алиной вышли у меня на фотографиях лучше, чем в жизни, я предложил поднять им цену до ста пятидесяти.

— Фото его обманет один раз, — сказала Катя. — Клиент, который платит сто пятьдесят, едет к модели, а приедет к девочке с Ленинского. Деньги он отдаст, но второй раз не приедет. У нас бюджет, Александр, у нас клиент должен возвращаться.

Я спорить не стал, хотя мне было обидно за фотографии.

На досуге был раздел «подружки», где за цену одной анкеты можно было поставить до трех девушек, если они работают вместе. Гриша этим пользовался и привозил мне на съемку девушек парами, чтобы снимать «лесби»: девушки обнимаются, целуются и делают вид, что им очень нравится. Я решил сэкономить так же и позвал в студию Таню с Алиной.

Ничего у нас не вышло: девушки пять минут честно изображали страсть, потом Таня посмотрела на Алину, та на подругу, и обе захохотали так, что свалились с дивана. Смеялись они так заразительно, что я тоже не удержался и продолжал снимать. Через полчаса мы сдались, а дома я пересмотрел кадры и понял, что лучших у меня нет: две девушки в одних простынях хохочут, уткнувшись друг в друга, так что лица Алины почти не видно. Выглядит не как реклама, а как фотографии двух подруг, которых застали врасплох.

Эту фотографию я и поставил в «подружки». На нее звонили больше, чем на все остальные анкеты вместе. Клиенты говорили Жене, что хотят «тех, веселых». Я потом много раз пытался повторить этот кадр с другими девушками и ни разу не смог: смех на заказ не снимешь.

На пабликхаус.ру реклама стоила дешевле, платить за нее можно было наличными курьеру, но и клиенты оттуда звонили соответствующие: торговались, спрашивали, нет ли скидки за то, что они в первый раз, и пропадали после вопроса о домашнем номере. Женя называла их «халявщиками» и через месяц предложила этот сайт бросить. Я не бросил, потому что из десяти халявщиков один все-таки приезжал, а реклама стоила дешево.

Эсэмэс-рассылку придумала Женя, у которой за месяц в тетрадке с котятами накопилось несколько сотен номеров тех, кто звонил, приезжал и остался доволен. Она предложила разослать им сообщение о новых девушках, и я, вспомнив, как когда-то сам получал такие эсэмэски от салона на Смоленке, согласился.

Рассылка сработала, правда, не совсем так, как мы рассчитывали. Вечером на Женин телефон позвонила женщина и долго, обстоятельно, с хорошей дикцией объясняла, кто мы такие, что с нами надо сделать и где она видела наших новых девушек. Телефон мужа, как выяснилось, лежал на тумбочке, а эсэмэска пришла, когда он был в душе. Женя выслушала все до конца, вежливо сказала: «Извините, ошиблись номером», — и положила трубку. После этого мы рассылали только по тем номерам, которые Женя пометила в тетрадке галочкой «можно», и таких оказалось очень мало. А главное, такие номера не работали через месяц-другой. Их покупали специально для таких звонков и зачастую сразу выкидывали. Симку тогда можно было купить за сто рублей где угодно без паспорта.

Интимсити тогда был слабым сайтом, звонков давал мало, и я держал там анкеты скорее для порядка. Зато у него была одна вещь, которой не было ни у кого: девушки, которые там рекламировались, получали доступ к пробивке. Это была закрытая база клиентов, которую вели сами девушки, отмечая каждый телефон: зеленым — приехал, заплатил, все нормально, красным — проблемный, белым — звонил, но не приехал.

Когда Женя получила код доступа на анкету Иры, у нее было такое лицо, будто ей вручили ключи от банковского сейфа. Наша МГТС-овская база показывала, кто живет по домашнему номеру, а эта рассказывала, кто как себя ведет, и к тому же работала по мобильным. Женя сидела в пробивке ночами, сверяла номера, ставила отметки и, по-моему, получала от этого больше удовольствия, чем от денег.

— Смотрите, — показывала она мне экран. — Этот звонил вчера Ире. Пять красных. «Лезет без гандона», «не доплатил», «пьяный, порвал колготки». Хорошо, что я его не пустила.

— Ты его не пустила, потому что он кавказец, — заметил я.

— Он не кавказец, он Сергей из Химок. Я его не пустила, потому что голос противный. А тут видите, я права.

Спорить я не стал: пробивка, по ее словам, для того и существует, чтобы противный голос подтверждался документально.

Анкеты на интимсити к тому же привязывали к отчетам на сексталке, или «сексболталке», как ее называли сами ходоки, а девушки за глаза называли «толчком». Первый отчет об Ире я прочитал с волнением. Ходок поставил ей четверку, написал, что девушка вежливая и чистая, но зажатая, квартира нормальная, а на кухне кто-то хихикал. Про фотографию он написал, что она соответствует, и это была лучшая рецензия на мою работу за много лет.

У Гали, девушки с арбузами, это было реальное имя, и в этом была проблема. Анкета с именем Галя за сто долларов не звонила совсем. Мне казалось, что дело в фотографиях, я переснял ее дважды, но звонков не прибавилось.

— Имя у нее для рынка, а не для досуга, — сказала Женя. — За сто долларов никто не поедет к Гале. Галя стоит пятьдесят.

Мы переснимали ее в третий раз, уже с прической, в черном белье и при свечах, и назвали Ангелиной. Цену оставили прежнюю, и Ангелине звонили так, что Женя едва успевала записывать, а сама Галя первое время не откликалась на новое имя, и клиентам приходилось звать ее дважды. Через месяц она привыкла, а через два, когда я случайно назвал ее Галей, обиделась.

Эту историю я потом часто рассказывал как анекдот про маркетинг, и все смеялись. Только сейчас, когда пишу, я вспомнил, что Галя приехала ко мне в той же куртке, в которой стояла за прилавком с арбузами, и что имя ее я тогда даже не спросил.

Глава 6. Человеческое лицо

Вы же не думаете, когда разделываете курицу, как это противно. Так и мы.

К декабрю у меня сложились принципы, и я ими гордился, как гордятся первой зарплатой. Их было четыре: с работницами не сплю, никого не бью, не штрафую и прощаю долги. Я вывел их не из книг и не из чужого опыта, а из простого соображения, что мир и так достаточно гадок и мне незачем делать его гаже. Сутенеры, которых я знал, били девушек, отбирали паспорта, штрафовали за опоздание на пять минут, и я был уверен, что можно иначе. Бизнес с человеческим лицом, как я сказал Алле, а она засмеялась.

Первый принцип был самым трудным. Теперь девушки жили в квартирах, за которые платил я, и любая из них, наверное, не отказала бы, но я понимал, что после этого стану для нее не менеджером, а клиентом, только бесплатным. Держался я, впрочем, не из благородства, а потому, что видел, чем это кончается у Вадима с его моделями. Сам Вадим, узнав про мой первый принцип, сказал, что разврат — это секс, в котором ты не участвуешь, и что я теперь, выходит, развратник на полной ставке.

Остальные три принципа давались легко и стоили мне, как скоро выяснилось, очень дорого. Два из них, «не штрафую» и «прощаю долги», прожили примерно столько же, сколько мои ПИФы, и только «не бью» дотянул до самого конца.

Правила в квартирах у нас были те же, что у Кати, только без штрафов. Курить по очереди и только на кухне, чтобы в комнате не пахло, как в пивной. Духами не пользоваться совсем, даже гель для душа брать без запаха: клиент вернется домой к жене, а от него пахнет чужими

духами, и больше он к нам не приедет, потому что не сможет. Долю класть в конверт, а конверт в условленное место. Телефон во время работы брать, только если звонит Женя.

Больше всего сил я потратил на то, что ходоки на форумах называли «первыми пятью секундами». Клиент решает, остаться ему или уйти, пока стоит в прихожей: какой там свет, чем пахнет, кто ему открыл и с каким лицом. Для меня это было все равно что обложка журнала, на которую смотрят секунду, прежде чем купить или пройти мимо. В прихожей я повесил мягкий свет, поставил новые тапочки, в ванной положил свежие полотенца и мирамистин вместо дешевого хлоргексидина, на кухне всегда был чай. Девушка должна была открывать дверь уже одетой, причесанной и улыбающейся, а не в халате и с сигаретой.

Вышло, как и с принципами, наполовину. Тапочки клиенты хвалили, мирамистин замечали, чай пили. А дверь в половине случаев открывала Оксана в халате, потому что прошлый клиент ушел пять минут назад и она не успела привести себя в порядок, а из кухни доносился смех и звон стаканов, потому что Ира и охранник Стас смотрели по телевизору «Камеди клаб». Стас, который со мной разговаривал только словами «понял» и «нормально», с Ирой, как я заметил, говорил целыми предложениями, но тогда я не придал этому значения.

Пили в квартирах постоянно, как и предупреждал Гриша. Клиенты приходили с бутылкой и хотели выпить с девушкой, но пьяную девушку не хотел никто. Я долго думал, как это совместить, и придумал, как мне казалось, гениальный ход: девушка наливает себе не водку, а воду, а вместо вина пьет вишневый сок из того же бокала, и клиент не замечает разницы.

— А если он сам наливает? — спросила Оксана.

— Тогда надо отвлечь.

— Чем? — удивилась она. — Я и так голая.

Гениальный ход прожил три дня, а потом Таня сказала мне, что вишневый сок с водкой не перепутает даже самый пьяный клиент, а после третьего клиента ей уже все равно, что пить, лишь бы не трезвой. Я спросил ее, как она вообще это выдерживает, по пять-шесть человек в день.

— Не думаю, и все, — сказала Таня. — Эти пятнадцать минут думаешь о своем: что маникюр надо сделать, что жидкость для снятия лака кончилась, что маме денег послать. А потом он уходит, и ты идешь в душ.

Она сказала это так спокойно, как говорят о работе на конвейере, и я тогда записал эту фразу себе в блокнот как хорошую реплику для рассказа.

Без штрафов правила у нас соблюдались так же, как в хорошей семье: все про них знали, и никто их не выполнял. Курили в комнате, в том числе охранник. Ангелина брызгалась духами, потому что, по ее словам, «без запаха я себя не чувствую». Ира опаздывала с конвертом, потому что забывала, а Таня клала в конверт меньше, чем Женя насчитывала по телефону, и объясняла, что клиент не доплатил. Проверить это было нельзя, потому что денег из рук я не брал, а Женя в квартире не жила.

Долги я прощал, как и обещал себе. Ангелина взяла у меня аванс на сапоги, потому что в старых в декабре ходить было невозможно, и через две недели сказала, что вернуть пока не может, у нее мама заболела. Ира взяла на зубного, потом на подарок брату, потом снова на зубного. Я давал, записывал и прощал, а девушки, видя, что я прощаю, брали все чаще и смелее. Через месяц я сообразил, что у меня в квартирах не персонал, а большая семья, где я работаю папой, которого любят за то, что у него всегда можно занять.

Однажды Женя позвонила мне поздно вечером и сказала, что клиент ушел от Ангелины через десять минут и потребовал деньги назад. Ангелина встретила его с сигаретой, на вопрос, можно ли в душ, ответила, что «можно, если найдешь», а когда он попросил чаю, сказала, что

она не официантка. Деньги Женя вернула, клиента пометила в пробивке зеленым, а Ангелину предложила оштрафовать на стоимость часа.

— У Кати за такое штрафуют, — сказала она. — И правильно делают, а то она так всех клиентов распугает.

Я поехал в квартиру сам, хотя Катя велела без нужды там не появляться. Усадил Ангелину на кухне и долго, спокойно, как отец дочери, объяснял ей, что клиент — тоже человек, что он устал после работы и заплатил деньги, а она своим хамством подводит не меня, а всех девушек. Ангелина слушала, кивала, а потом расплакалась и рассказала, что у нее третий день болит зуб, а денег на врача нет. Я дал ей денег на врача, она поклялась, что больше никогда, и я уехал, довольный собой. Через два дня Женя позвонила снова, и все повторилось слово в слово, только клиент на этот раз был другой.

В конце ноября Таня от имени всех пришла ко мне с претензией. Говорила она вежливо, но по существу: половина выручки — это мало.

— Вы сами посчитайте, — сказала она и разложила передо мной листок, исписанный цифрами. — Маникюр раз в две недели, эпиляция, стрижка. Белье, потому что клиенты его рвут, и колготки, потому что тоже рвут. Гинеколог и анализы раз в месяц. Презервативы, мирамистин, салфетки. Такси, если выезд. И косметика, без которой на пороге ты не девушка, а уборщица. Вычтите все это из нашей половины, и останется треть, а то и меньше.

Я посмотрел на листок и понял, что она права: от товарного вида здесь зависело все, а товарный вид стоил денег. Поднять долю я не мог, потому что Гришина часть была неизменна, а квартиры и реклама дешевле не становились. Но презервативы, мирамистин и салфетки с тех пор покупал я из своей кучки, и девушки поблагодарили меня так тепло, что я почувствовал себя благодетелем.

Катя, узнав об этом, только покачала головой:

— Вы им еще отпуск оплатите. Они вам за это потом спасибо скажут, только не вам, а следователю.

Я решил, что она просто черствая, потому что сама прошла через все это и давно разучилась жалеть.

Как работают мои квартиры на самом деле, я решил узнать от клиента и позвал на помощь Георгия.

С Георгием мы были знакомы еще с кооператива в девяностые: я греб деньги с асфальта лопатой, а он, молодой программист, писал нам бухгалтерию, которую никакая налоговая не могла прочитать. Потом он ушел в банк, женился, завел двоих детей и стал тем, что называется солидным человеком: костюм, ипотека, дача по Новорижскому. О том, что солидный человек раз в неделю «задерживается на работе из-за аврала», знали, кажется, все, кроме его жены. На сексболталке он писал отчеты под ником «Момент», и, когда я спросил, что это значит, он засмеялся и объяснил, что все делает в момент: быстро и много.

— А зачем тебе это вообще? — спросил я. — У тебя же жена красивая.

— Для разнообразия, — ответил Георгий так легко, будто речь шла о новом ресторане.

Я предложил ему простую сделку: он ходит по моим квартирам как обычный клиент, оценивает все, от прихожей до девушек, и пишет мне отчет, а я даю ему скидку на услуги девушек. Георгий согласился с таким удовольствием, что мне стало немного не по себе.

Отчет он прислал на почту через неделю, оформленный, как отчеты на форуме, с оценками по пятибалльной системе. Девушкам он поставил в основном пятерки и четверки, отдельно похвалил Ангелину за «огонь» и Таню за «душевность». Отношению к клиенту он поставил пять, соответствию фото — четыре, «чуть лучше, чем в жизни, но в пределах приличия». А квартире у «Профсоюзной» он поставил тройку и подробно объяснил почему: на кухне

хохочут, в прихожей пахнет духами, в ванной одно полотенце на двоих, а девушка, открывшая дверь, была в халате и с мокрой головой, «как будто я пришел не к фее, а к теще».

Отчет с тройкой за квартиру я распечатал и повесил на холодильник в обеих квартирах, рассчитывая, что девушкам станет стыдно. Девушки прочитали, долго хохотали над тещей, а Ангелина дописала снизу ручкой: «Сам ты теща». Сам Георгий позвонил мне в тот же вечер, когда прислал отчет, и голос у него был такой, будто он вернулся из удачной командировки.

— Слушай, а у тебя новенькие еще будут? — спросил он. — Я тут прикинул: если ходить раз в неделю, а девушки у тебя меняются, то за год можно… ну, ты понимаешь.

Я понимал. Для разнообразия он сходил ко мне два раза, а на третий у него уже была таблица в экселе, где он учитывал всех, с кем был, с датами и оценками, как учитывают в банке кредиты. Тогда это показалось мне смешным, и я рассказал об этом Вадиму, который тоже посмеялся, а потом сказал, что у него такая таблица давно и намного длиннее.

Листок провисел на холодильнике всю зиму, и за это время в квартире не изменилось ровным счетом ничего.

Глава 7. Участковый

— Вы прибегали когда-либо к услугам проститутки? — Что значит «прибегал»? Приходил спокойно.

Про милицию в первой книге я писал много, но все больше с чужих слов: девушки рассказывали, как их «хлопнули» на выезде, как держали до утра и как в протоколе всех записали индивидуалками. Сам я по этой части с милицией не встречался ни разу и был уверен, что так будет и дальше. Квартиры сняты на приличных людей, пробивка работает, деньги не из рук, а если кто-то в погонах и получает свое, то это Гришины заботы, а не мои.

— Григорий участковыми не занимается, — сказала Катя, когда я как-то спросил ее об этом между делом. — У Григория свои люди, повыше. А квартира ваша, значит, и участковый у нее ваш.

Я кивнул, как кивают на инструктаже по технике безопасности, и благополучно забыл.

В конце ноября Женя позвонила мне среди дня и сказала, что у «Профсоюзной» участковый. Сказала она это тем же ровным голосом, каким отказывала пьяным, и я не сразу понял, что случилось, а когда понял, схватил куртку. Потом вспомнил Катино «без нужды не ездите» и повесил куртку обратно. Подробности я узнал вечером от Оксаны.

Участковый был новый. Старый, по словам бабушек у подъезда, показывался раз в год, перед выборами, а в ноябре ушел на пенсию. Этому было лет двадцать с небольшим: новенькая форма, красные от мороза уши и черная папка из кожзаменителя, которую он держал перед собой обеими руками, как щит. Пришел он по жалобе соседки за стенкой, той самой, про которую Оксана в первый же день сказала мне, что главное, чтобы она не стучала по батарее. Соседка не стучала, она написала заявление. В нем она жаловалась на шум в квартире и постоянный стук кровати. «Сексодром» в квартире в самом деле был старый и раздолбанный, но менять я его не собирался: расходы на мебель не входили в мою ведомость.

Клиент, к счастью, ушел минут за десять до этого. Дверь открыла Оксана, в халате и, по ее собственным словам, «как теща». Стас, как и полагалось по схеме, зашел к подругам попить чаю и все время, пока участковый был в квартире, простоял в ванной, где Ира мыла голову, будто караулил. Участковый попросил документы. Ирин паспорт с подмосковной пропиской он пролистал и вернул, а над Оксаниным, украинским, сидел долго, потом так же долго изучал ее регистрацию, которую Гришины люди, как выяснилось, покупали в переходе, и все переписывал в блокнот. В комнату он заглянул один раз, увидел мой торшер, зеркало напротив дивана и стопку свежих полотенец, покраснел и больше туда не смотрел.

— Зеркало твое ему понравилось, — сказала Оксана. — Уши аж бордовые стали.

Уходя, он произнес фразу, которую Оксана передала мне дословно, потому что, по ее словам, он ее явно репетировал перед подъездом:

— На моей территории борделей не будет. Даю вам неделю.

Внизу он еще задержался у лавочки, и бабушки, как потом рассказала Оксана, встали за нее стеной. Оксаночка каждое утро спрашивает про давление, муж у нее в командировках, к ней подруга приезжает, а соседка за стенкой пишет на всех подряд, на прошлых жильцов тоже писала, будто они музыку крутят, а теперь пишет, будто мужики ходят. Так у меня появилось алиби, о котором я не просил: самая вежливая девушка в доме. Стас на мой вопрос, как все прошло, ответил «нормально», и я понял, что для него это значит одно: никого не забрали.

С Катей мы встретились на следующий день в кофейне на Ленинском. Она заказала чай и, пока я рассказывал, ни разу к нему не притронулась.

— Не съезжайте, — сказала она. — Съехать всегда успеете, а залог пропадет. Новенькие все так начинают.

— Он дал неделю.

— Он сказал то, чему его учили. Первую неделю он честный, вторую думает, а на третью придет сам. Денег ему ни в коем случае не предлагайте. Предложите честному, и он вас оформит, просто чтобы доказать самому себе, что он честный. Дайте ему побыть честным две недели, это недорого.

— А потом?

— А потом он назовет сумму. Десять-пятнадцать в месяц, больше не давайте, а то решит, что у вас там лаборатория. Оксане сделаем новую регистрацию, настоящую. Дурак платит дважды.

— Это за Гришин счет?

Катя посмотрела на меня так, как, наверное, смотрела когда-то на клиентов, которые просили скидку за то, что они «девственники».

— Регистрация за его счет, девушка его. А участковый ваш. Доля Григория от этого не меняется.

Неделю я прожил как на вокзале. Женя отправляла к Оксане и Ире только тех, кого знала по голосу, выручка у «Профсоюзной» упала вдвое, и Оксана по телефону жаловалась, что так она скоро разучится работать. Ночами я не спал и думал не о Грише и не о статье, а почему-то о том, что участковый всего на несколько лет старше Димы. Я представлял, как Дима, пойди он не на мехмат, а в школу милиции, стоял бы в чужой прихожей с красными ушами и переписывал паспорт девушки в халате, и мне становилось его жалко, как жалко было бы сына. Жалость эта мне ничего не стоила, а беспокоило меня на самом деле другое: сколько он попросит.

Неделя прошла, а участковый не пришел. Пришел он на тринадцатый день, проверил паспорта, на этот раз быстро, и, уже стоя в дверях, попросил Оксану передать «старшему», чтобы тот ему позвонил. Номер он оставил на листке, вырванном из того же блокнота. Старшим меня до этого не называл никто, даже в стройбате.

Позвонил я из таксофона у дома, по карточке, чувствуя себя героем того же шпионского детектива, что и в баре у Гриши, только без пива. Участковый говорил отрывисто и деловито, как человек, который заранее написал разговор на бумажке, и предложил встретиться в «Макдоналдсе» недалеко от его опорного пункта. «В „Макдоналдсе“ за котлеты не сажают», — вспомнил я и решил, что это хороший знак.

Пришел он в штатском, в куртке не по сезону, и уши у него были такие же красные, как в Оксанином рассказе. Чизбургер и колу он купил себе сам и, когда я предложил заплатить, отказался так поспешно, будто я предлагал ему что-то совсем другое.

— Рябцев, — представился он. — Антон.

Он был из Ельца, после армии окончил школу милиции, жил в общежитии и, как я понял из пары оговорок, посылал часть зарплаты матери. Минут десять он рассказывал мне, что пошел в милицию не за этим, что на участке у него восемь тысяч человек и что опергруппу он может привести хоть завтра. Я кивал и молчал. В девяностые я договаривался с людьми пострашнее и научился у них одному: когда человек долго объясняет, почему он не возьмет, надо дать ему договорить.

— Жалоба — это когда пишут, — сказал он наконец, глядя не на меня, а в стакан с колой. — А если не пишут, то и жалобы нет. Соседке что нужно? Чтобы мужики на лестнице не курили, в двери не путались и ночью было тихо. Сделаете?

— Сделаем.

— И мне надо раз в месяц проверять квартиру. Паспортный режим. — Он опять покраснел, и я понял, что о сумме он думал дольше, чем о фразе про бордели. — Пятнадцать.

— Десять, — сказал я, как учила Катя.

Он посмотрел на меня почти с обидой, будто я торговался не за его услуги, а за его честность.

— Двенадцать. И проверять буду сам.

Что он имел в виду под этим «сам», я понял позже.

Он подвинул ко мне свою папку и раскрыл ее, не глядя. Я положил конверт между бланками объяснений и чьим-то заявлением, может быть, как раз соседкиным. Деньги не из рук, учила Катя, и я соблюл ее правило в точности, только теперь в обратную сторону.

Прошло ровно две недели, как Катя и обещала. Честный молодой человек, который репетировал перед подъездом «борделей не будет», за две недели стал своим и, по-моему, сам так и не заметил, в какой день это случилось.

Уже прощаясь, он вдруг спросил, правда ли я фотограф: Оксана, видимо, проболталась. Мать в Ельце давно просила у него фотографию в форме, а у него была только одна, три на четыре, из личного дела, «как в розыске». Я сказал, чтобы приходил в субботу.

В субботу он пришел ко мне на Новый Арбат в парадной форме, и консьержка, которая давно перестала здороваться и со мной, и с моими девушками, впервые за много лет поздоровалась с нами обоими. В студии он огляделся: свет, штатив, кровать под белыми простынями, на которой месяц назад сидели все мои кандидатки.

— А кто у вас тут обычно снимается?

— Невесты, — сказал я. — Выпускники. Теперь вот милиция.

Стоял он перед камерой как на плацу, и первые кадры вышли такими, какие вешают на доску почета. Тогда я попросил его представить, как мать в Ельце достает из почтового ящика конверт и открывает его прямо на лестнице, потому что не может дотерпеть до квартиры. Он улыбнулся, и это был кадр. Я напечатал ему большой портрет, тридцать на сорок, и несколько маленьких, чтобы носить в бумажнике.

Он долго смотрел на большой, держа его за края, чтобы не оставить пальцев.

— Сколько я вам должен?

— Нисколько.

Он нахмурился, как в «Макдоналдсе», когда я торговался.

— Тогда я вам должен, — сказал он серьезно, так, как говорят люди, которые потом помнят.

Я пропустил это мимо ушей, как пропускал тогда многое. Зачем я это сделал, я и сейчас не знаю точно. Может быть, мне хотелось хоть кому-то сделать хорошую фотографию бесплатно, как в старые времена. А может быть, я уже понимал, что своего человека в погонах надо кормить не только деньгами. Женя сказала бы, что это одно и то же.

Через три дня он пришел к Оксане проверять паспортный режим. Пришел в форме, проверял ровно час, ушел, вежливо попрощался с бабушками у подъезда и, разумеется, не заплатил. Оксана позвонила мне в тот же вечер.

— Он не прибегал, Саша, — сказала она, когда я спросил, что случилось. — Он пришел спокойно, по графику. Проверил режим, подробно. А мне за час кто заплатит, власть или ты?

Платить пришлось мне. Свою половину часа Оксана получила из кучки «на квартиры и рекламу», и так «сам» превратилось в статью расходов. Потом я узнал, что участковые обычно берут деньгами, а не натурой, и что мой в этом смысле был редким случаем.

Тут три мои кучки на кухонном столе и перестали справляться. Гришина доля шла каждую неделю, как договорились, а Женины пять процентов — с выручки, за квартиры платили раз в месяц, за рекламу как придется, а долги девушек я до сих пор записывал на обороте квитанций за свет и терял половину квитанций. Теперь к этому прибавились двенадцать тысяч в месяц и Оксанин час, и в голове все это уже не помещалось. На другой день я купил в киоске у метро общую тетрадь в клетку, девяносто шесть листов, в синей клеенчатой обложке, точно такую, в какой когда-то писал конспекты в медицинском, и вечером разлиновал ее, как бухгалтер.

Конспирацию я придумал не хуже, чем с листками. Гриша у меня назывался «арендой», потому что вывеска все-таки была его. Женя стала «связью», квартиры — буквами «П» и «К», девушки — первыми буквами имен, а участковый — «коммуналкой», как свет и газ: платишь каждый месяц и не думаешь, за что. Первая запись в тетради выглядела так: «Декабрь. Коммуналка — 12 000. О. — 1300 (коммуналка)». Я смотрел на нее и был собой доволен.

Паспортные данные девушек я сжег, потому что так велела Катя, а тетрадь завел сам, без чьих-либо советов, и гордился ею: в ней был порядок, а порядок я любил еще со времен обналички, когда без него можно было остаться не только без денег. Кате я про тетрадь не рассказывал, а она не спрашивала.

Глава 8. Любимка

— Девушка, почему ваши услуги на ночь стоят так дешево? — Храплю.

Слово «любимка» я впервые услышал от Жени и сначала решил, что так девушки называют любимых клиентов.

— Любимый клиент — это пост, — поправила меня Женя. — Он платит. А любимка — это тот, кому платит она.

В первой книге я писал, что проститутки, зарабатывая неплохо, вечно сидят без денег, потому что непременно заведут себе любимку, который тянет из них деньги лучше породистого пса. Писал я это со стороны и посмеиваясь. Теперь любимка завелся и у нас, точнее, не у меня, а у Алины, но платить за него в итоге пришлось мне.

Сначала у нас влюблялись клиенты. В Жениной тетрадке с котятами для них со временем появилась отдельная пометка, сердечко, и к декабрю сердечек набралось около десятка. Влюбленные звонили не для того, чтобы приехать, а чтобы поговорить, спрашивали, как «она» себя чувствует, просили передать привет и обижались, если «она» была занята. Один каждый раз, приезжая к Оксане, звал ее замуж, а уходя, просил скидку как будущему родственнику. Другой, ходок со стажем, написал на сексболталке отчет об Ангелине, поставил ей все пятерки и в конце попросил остальных к ней не ездить, потому что она теперь его. Ходоки поняли это по-своему, и неделю Ангелине звонили так, что Женя не успевала записывать.

— Влюбленный клиент — хороший клиент, — объяснила мне Женя. — Пока влюблен, ездит. Плохо, когда влюбляется девочка.

Алина изменилась в конце ноября, и первой это заметила Таня, а не я. Алина начала улыбаться без причины, носить телефон с собой даже в ванную, хотя во время работы брать его было нельзя, и однажды попросила у меня аванс: у мамы в поселке что-то с сердцем, нужны лекарства. Я дал двенадцать тысяч и записал их, как всегда, на обороте квитанции за свет. Через неделю она попросила еще восемь, на этот раз на брата, и я опять дал, потому что прощать долги было моим третьим принципом, а давать в долг подразумевалось само собой.

— Мама у нее здорова, — сказала мне Таня по телефону. — У нее любимка завелся.

Знала Таня, как всегда, больше всех. Звали его Денис, было ему лет двадцать пять, и в первый раз он пришел в ноябре, как все, на фотографию «подружек», то есть к тем самым веселым, и попал на Алину. Через неделю пришел опять, уже к ней, потом еще раз, а на четвертый пришел с розами и без денег. Он продавал кондиционеры, которые в декабре кризисного года никому были не нужны, и его как раз сократили.

В паспорте Алина была Марией, а Алиной ее назвали еще на точке, где Маш было слишком много. Паспорт я видел, но имя из него забыл в тот же вечер, потому что для меня, как и для клиентов, она была Алиной из анкеты. Денис спросил, как ее зовут на самом деле, и она сказала. Больше никто никогда не спрашивал.

— За деньги ни в кого не влюбишься, — сказала Таня. — А один раз бесплатно, и все, влипла. У нас на точке так половина девчонок пропало.

Я вспомнил Аллу и деньги, которые оставлял у нее под сахарницей, и подумал, что только поэтому между нами ничего и не завелось. Я гордился, что даю деньги не за секс, а за то, чтобы после секса спокойно уйти.

Деньги у Алины Денис брал сначала на еду, потом на долги, потом просто так. Потом стал приходить в квартиру днем, когда девушки отдыхали, сидел на кухне, пил с охранником пиво и смотрел на каждого клиента в прихожей так, что двое развернулись прямо на пороге. Охранник, тот самый Гришин парень, который спал на кухне сидя, имел к нему одну-единственную претензию: Денис храпел, когда оставался на ночь, а оставался он все чаще. Я велел Тане передать, что посторонним в квартире быть нельзя, Таня передала, и Денис стал ждать Алину на лестнице, а это было еще хуже.

Тогда я позвал Алину к себе и поговорил с ней так же, как когда-то с Ангелиной, спокойно и по-отцовски. Я объяснил ей, что мужчина, который берет у женщины деньги, заработанные таким способом, ее не любит, что кризис кончится, а привычка брать останется, и что она молодая и еще найдет себе нормального человека. Алина слушала, смотрела в пол и кивала, а когда я закончил, сказала, что ему сейчас просто трудно, и спросила, нельзя ли взять еще пять тысяч до конца недели. Я дал. Отцом я, как выяснилось, был ничуть не строже, чем работодателем.

Однажды ночью я, как обычно, забрал конверт из щитка у «Профсоюзной» и приехал на «Калужскую». В подъезде на подоконнике между первым и вторым этажом сидел молодой человек в легкой куртке и курил, а рядом с ним лежали розы, завернутые в газету. В два часа ночи это выглядело так странно, что я спросил, к кому он.

— К Маше, — сказал он и посмотрел на меня с вызовом.

Никакой Маши в подъезде я не знал, решил, что это чей-то поссорившийся жених, и прошел мимо. Мой почтовый ящик оказался пуст. Я постоял, посветил зажигалкой, проверил зачем-то соседние ящики, а когда спустился, подоконник был уже пустой, и я поехал домой с одним конвертом. Утром Женя сказала, что по ее записям в ящике должно было лежать одиннадцать тысяч семьсот. Алина клялась Тане, что положила, и ей я почему-то поверил сразу. Где у нас лежит конверт, знали девушки, охранник и, как выяснилось, тот самый жених с подоконника. Любимку, сидевшего у меня на дороге, я не узнал, потому что настоящее имя Алины видел один раз, в паспорте, и тут же забыл.

Гришина доля от этого не уменьшилась, и я доложил ее из своей кучки. Это был мой первый минус за все время, и записывать его мне почему-то не хотелось.

Выгнала его Алина сама. Таня пересказывала мне эту сцену три раза и каждый раз смеялась, хотя смешного там было немного. Денис пришел вечером пьяный, когда у Алины был клиент, стал звонить в дверь, а когда ему не открыли, начал бить в нее ногой. Клиент оделся за минуту, проскочил мимо него на лестницу и, по-моему, не остановился до самого метро. Тогда Алина взяла в ванной ведро, в котором мыли пол, вышла на площадку в одном полотенце и отходила Дениса тряпкой по лицу так, что он бежал от нее до первого этажа.

— Я его гнала ссаными тряпками, — сказала она потом Жене, и Женя пересказала мне это с уважением, как пересказывают удачную сделку.

Я тоже порадовался. Мне казалось, что история на этом кончилась, как кончается всякая любовь, где один платит, а другой берет.

Денис решил напоследок нагадить. На следующий вечер он вернулся, трезвый и аккуратно одетый, и начал обходить подъезд с последнего этажа, звоня во все квартиры подряд. В семь вечера в декабре дома сидит весь подъезд, открывали ему все, как он и рассчитывал, и всем он вежливо задавал один и тот же вопрос:

— Добрый вечер, не подскажете, где тут Маша дает?

Охранник, который вышел на лестницу покурить и застал конец обхода, рассказывал, что отвечали ему по-разному. Кто-то хлопал дверью, кто-то крыл матом, кто-то обещал вызвать милицию, а старик с четвертого этажа долго думал и честно ответил, что Маша есть, только этажом выше, и ей восемьдесят лет. На втором этаже Денис позвонил в нашу дверь, ему не открыли, и он, уходя, сообщил на весь подъезд, что Маша здесь, только стесняется.

Женя позвонила Кате раньше, чем мне, и правильно сделала. Катя перезвонила мне через пять минут.

— Съезжайте сегодня, — сказала она. — Сейчас. Девушек по другим квартирам, вещи в такси, ключи в почтовый ящик. Хозяйке Ася позвонит сама.

— А залог? Договор же на год.

— Залог пропал. Он, кстати, на вас, Александр, а не на Григории. — Она помолчала. — Любимок надо выгонять на первом букете. Я знаю, о чем говорю.

Переезжали мы в одиннадцать вечера, и, хотя Катя велела мне не появляться, я поехал, потому что таскать сумки было больше некому. Девушки собрались за двадцать минут, как солдаты по тревоге: у кого вся жизнь в двух сумках, тот всегда готов. Таня молча сворачивала мои новые простыни, Ангелина спорила, брать ли тапочки для клиентов, и в итоге взяла, а Алина, ни на кого не глядя, сняла со стены над кроватью ту самую фотографию у окна, без лица, и положила ее в сумку между свитерами. Охранник вынес сумки к такси, а когда мы прощались, протянул мне руку и впервые за месяц заговорил:

— Коля. Меня, кстати, Коля зовут.

Так я узнал, как зовут охранника, в ту самую ночь, когда квартира перестала существовать.

Таню и Ангелину я отвез на «Профсоюзную», где теперь на кухне вместо одной свободной девушки сидели три, а Стасу пришлось переселиться на табуретку в прихожую. Рябцев, пришедший через несколько дней со своей первой проверкой, пересчитал девушек на кухне, вздохнул, попросил, чтобы к Новому году их снова стало две, и пошел проверять паспортный режим у Оксаны. Алина попросилась к Жене, и та, к моему удивлению, ее взяла. Хозяйке «Калужской» Ася сказала, что мужа срочно переводят обратно в Сибирь, и хозяйка так ей посочувствовала, что обещала вернуть залог, если до весны найдет новых жильцов. Не вернула, но Асю это, по-моему, не удивило. Новую квартиру Ася нашла через неделю, у «Универ-

ситета», и обещала к Новому году еще одну. В двух остановках от новой квартиры, в главном здании МГУ, учился Дима, но я сказал себе, что это совпадение, и больше об этом не думал.

Перед Новым годом Алина приехала ко мне домой и положила на стол три тысячи.

— Это в счет долга. Остальное отдам после праздников.

Долга у нее, если сложить аванс на маму, на брата и пропавший конверт, набиралось больше тридцати тысяч. Я знал, что после праздников она не отдаст, и она тоже это знала. Я сказал, что долга нет и не было, и подвинул деньги обратно. Она их не взяла, но и спорить не стала, а посидела молча, держа сумку на коленях обеими руками, как в первый день.

— Он меня Машей звал, — сказала она вдруг. — Больше никто не зовет.

Я мог назвать ее Машей прямо тогда, но не назвал. Она ушла, а три тысячи так и остались лежать на столе.

В тетради, куда я к тому времени переписал все квитанции, я вычеркнул ее долг одной аккуратной линией и почувствовал себя благодетелем. Вечером я рассказал всю историю Жене, рассчитывая, что она посмеется над тряпками.

— Дура, — сказала Женя без всякой злости. — Я с клиентами никогда отношений не завожу. Клиент — он и есть клиент, сколько бы роз ни принес.

Глава 9. Охранник и девушка

Если женщина ничего не умеет, она идет работать проституткой. Если мужчина ничего не умеет, он идет работать охранником.

Охранников в моих квартирах я долгое время считал чем-то вроде мебели. Гриша присылал их вместе с девушками, платил им я, из кучки «на квартиры и рекламу», а в мои дела они не лезли, как не лезет в дела хозяина холодильник. Охранник сидел на кухне, смотрел телевизор без звука, открывал дверь, если в нее начинали ломиться, вселял уверенность в девушек, если у них с клиентом что-то пошло не так, а при проверке превращался в соседа, который зашел к подругам попить чаю. От него требовалось одно: быть за стеной. Каково это, двенадцать часов сидеть за стеной, за которой постоянно трахаются, я не думал ни разу.

Стас был из этой мебели самой тихой. Со мной он разговаривал словами «понял» и «нормально», двигался по квартире так, будто боялся что-нибудь задеть, и я ценил его именно за это. То, что с Ирой он говорил целыми предложениями, я заметил еще в ноябре, а в конце ноября узнал от Оксаны, как он караулил дверь ванной, пока участковый листал паспорта. Обе эти вещи я честно положил на полку с надписью «нормально» и больше к ним не возвращался.

Первой забеспокоилась Женя, и не из-за любви, а из-за выручки.

— Ира отказывается, — сказала она. — Третий раз за неделю. То голова болит, то критические дни, а по моим записям критические у нее были две недели назад. И отказывается она только вечером.

— А вечером что?

— А вечером смена у Стаса.

Потом начали жаловаться клиенты. Один, вернувшись домой, позвонил Жене и обиженно сообщил, что у Иры его выставили через сорок минут, причем выставлял не Ира, а мрачный парень с кухни, который постучал в дверь и сказал «время». Другой написал на сексболталке, что девушка милая, но будто бы не здесь, и поставил тройку. Оксана, у которой глаз был наметан лучше, чем у Жени и у меня, вместе взятых, рассказала, что Стас, когда у Иры клиент, выходит на лестницу и выкуривает там по полпачки, а когда клиент уходит, первым идет менять полотенца, хотя раньше этого за ним не водилось.

— Влюбились они, Саша, — сказала Оксана. — Ты один не видишь.

Увидел я в ту же ночь. Около двух я забрал конверт из щитка и, выходя из подъезда, заметил, что на лавочке, где днем сидели бабушки, кто-то сидит. Это были Стас и Ира, в одной куртке на двоих, его, накинутой ей на плечи поверх халата. Они не разговаривали и не целовались, а просто сидели и смотрели на пустой двор, где под фонарем шел мелкий снег. Я стоял и смотрел на них дольше, чем следовало. Они меня не заметили. Я обошел дом с другой стороны, чтобы не идти мимо них, и только в такси сообразил, что в квартире в это время не было ни охранника, ни свободной девушки, а Оксана работала одна.

Сказала она это не только мне. Через два дня позвонила Катя и попросила приехать в кофейню на Ленинском, и по тому, как она поздоровалась, я понял, откуда она все знает. Гришины девушки, оказывается, рассказывали Кате все, и Оксана, самая вежливая девушка в доме, была в том числе и самой информированной.

Катя опять заказала чай и опять его не пила.

— Охранника надо уволить, — сказала она. — Сегодня. Иру переведите на другую квартиру или тоже отпустите, это уже ваше дело.

— Он хороший охранник.

— Он

был

хорошим охранником. Влюбленный охранник — это не охрана, а ревнивый муж за стенкой. Сначала он выставляет клиентов через сорок минут, потом бьет того, кто ей не понравился, потом увозит ее, а когда она от него уйдет, а она уйдет, он пойдет в милицию. Он знает про конверт, про Женю и про вас. Больше, чем кто-либо, кроме меня.

— Вы так говорите, будто это уже было.

— Было, — сказала Катя и посмотрела в окно, на Ленинский, где в пробке стояли машины с шашечками и без. — Я про охранников, Александр. Не про себя.

Я не стал спорить. Про Петра я помнил: Гриша рассказывал мне эту историю за пивом как анекдот. Охранник Петр пришел к нему и сказал, что не может больше возить Катю на заказы, потому что у них любовь, а она не может работать, когда он сидит за стенкой на кухне. Гриша дал им денег и благословил. Денег хватило на месяц, потом Петр занялся делами, за которые его не стали бы вытаскивать даже свои. Катя начала пилить его за квартиру, ребенка и нормальную работу. Все кончилось тем, что она вернулась, а Гриша определил ее в другое место, «чтобы бывший не обламывал». Теперь бывшая Катя сидела напротив меня в темно-зеленом костюме и требовала, чтобы я не повторял Гришиной ошибки.

Уволить Стаса я пообещал и уехал домой думать. Думал я недолго.

На другой день я позвал Стаса к себе. Он пришел точно к назначенному часу, в куртке, в которой сидел на кухне, и сел на краешек стула в студии, держа шапку на коленях. Консьержка, видимо, приняла его за еще одного кандидата и опять перестала со мной здороваться.

— Катя велела тебя уволить, — сказал я.

— Понял, — сказал Стас.

Он помолчал, глядя на шапку, а потом впервые за полтора месяца нашего знакомства заговорил со мной целыми предложениями, и выяснилось, что говорить он умеет, и неплохо.

Ему было двадцать шесть. В Луганске он работал охранником на рынке, потом знакомые позвали в Москву, где охранникам платили втрое больше, и вот уже третий год он сидел на чужих кухнях за стенкой. Девушки при нем менялись десятками, он с ними пил чай, смотрел телевизор, иногда выставлял пьяных клиентов и ни разу ни о ком не думал дольше одной смены. А Ира рассказала ему про плюшевого медведя, с которым я ее снимал, и он почему-то думает о ней уже второй месяц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.